

18+

РЕДЖИ МУНТ

ОКЕАН
ДЛЯ ТРОИХ

Реджи Минт

Океан для троих

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69861103

SelfPub; 2024

Аннотация

Дороти Вильямс, капитана королевского флота, несправедливо обвинили в колдовстве. Она была вынуждена бежать от правосудия в компании невыносимого пирата Рауля Морено. Чтобы вернуть себе доброе имя, Дороти надо отправиться в самый центр моря Мертвецов, где ее ждет старая любовь. И что делать, если старое чувство столкнется с новым? Дороти вздрогнула от неожиданности и обернулась. Судя по всему, Морено некоторое время наблюдал за ней. Он без тени сомнения с явным интересом разглядывал обнаженную Дороти. И делал это напоказ. Оценивающе. Почти сразу к спине прижалось чужое горячее тело, а сбоку дохнуло запахом крепкого вина и табака. Морено потеснил Дороти за падающий сверху поток, прижимая к скальной стенке. Она вырвалась, развернулась, но только для того, чтобы оказаться лицом к лицу с Морено. Так близко, что поймала его дыхание.

Содержание

Глава 1. Командор Дороти	4
Глава 2. С корабля на бал	19
Глава 3. Сокамерник	26
Глава 4. Бригантина	40
Глава 5. То, что скрыто во тьме	54
Глава 6. Клятва	64
Глава 7. Первый помощник Морено	80
Глава 8. Белая кобылка	95
Глава 9. Вкус победы	115
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Реджи Минт

Океан для троих

Глава 1. Командор Дороти

– Вы все-таки его схватили, командор! Надели на Черного Пса намордник. Мои поздравления! Большая удача – большой приз, – проходивший мимо офицер отдал честь.

Командор Дороти Вильямс кивнула и улыбнулась, принимая заслуженную похвалу.

Верно, удача.

Сегодня ей повезло.

Погода радовала – бирюзовое прозрачное небо и палящее белое солнце, которое отражалось от океана золотом. Сам океан – непривычно тихий, синий, без обычных шапок пены на десятифутовых волнах.

Ниточка бриза, тянущаяся от побережья, гнала по воде мелкую рябь, но не более. В воздухе пахло солью и удачей.

– Штиль, – сказала мисс Бертон, мастер-канонир на “Свободе”, одном из лучших фрегатов королевского флота. – Если бы не штиль, от Черного Пса нам бы достались только мелькнувшие за горизонтом уши. Если не хвост.

– Чушь, – отрезала Дороти Вильямс, оперлась бедром о перила мостика и непреклонно сложила руки на груди. – Не

умаляйте своих заслуг. Ваши ребята прекрасно отработали. Если бы не их меткость и кнippели, пришлось бы применить ядра, и сейчас бы нам достались одни обломки. А так мы вернемся в Йотингтон с прекрасным трофеем.

– Это вы про Черного Пса Морено или про его “Каракатицу”? – улыбнулась Бертон, больше не споря.

– Про обоих вместе. Сегодня прекрасный день. Думаю, это повод открыть тот бочонок вина, который я привезла из Алантии. Оно белое и как нельзя лучше подходит для того, чтобы обмыть бескровную победу.

Командор подхватила с перил свой мундир, который был скинут перед сражением, и легкой походкой спустилась по ступеням на нижнюю палубу, где с одной стороны команда канониров раскладывала обнаруженные на “Каракатице” товары, а с другой абордажники под дулами пистолетов заковывали в кандалы экипаж захваченного корабля.

Про “бескровно” она, конечно, преувеличила – двое ее рубак проваляются в гамаках пару недель, а вот у трех человек с “Каракатицы” есть все шансы сегодня отправиться в царство теней.

– Черта с два они нам дались так легко, если бы у них не было четверть трюма соленой воды, – пробормотала себе под нос канонирша Бертон, раскуривая трубку и пристально глядя в затылок Дороти. – И разломанный на части руль. Трофей знатный, но это чистая удача!

Вильямс прекрасно ее расслышала, даже на таком рассто-

нении, но сделала вид, что нет. После сегодняшней демонстрации своих способностей раскрывать то, что слух у нее не хуже, чем у летучей мыши, не стоило. И так команда косилась на нее с подозрением: все-таки обычные живые люди с высоты двадцать футов не прыгают и одной рукой двоих врагов за борт не швыряют. И уж тем более этого не делают женщины.

Впрочем, о ней и так ходили слухи по йотингтонским кабакам и тавернам, что Дороти Вильямс поцеловала Черная Ма, потому что силы у капитана “Свободы” как у трех быков. И чтобы уложить ее на лопатки во время учебного поединка, ее же сокурсникам из Морской Академии приходилось наваливаться всемером. А ведь тогда Вильямс еще не исполнилось семнадцати.

Сила и здоровье пришли к ней вопреки надеждам многочисленной родни, которая слетелась стервятниками в ожидании, когда единственная чахоточная наследница старого Вильямса отправится к своему папаше. Не дождались.

После пятнадцати лет и страшной лихорадки, которая едва не стоила ей жизни, Дороти выздоровела, а потом и вовсе стала сильнее любого из курсантов. При этом на внешности это ничуть не отразилось. Она выросла стройной, красивой девушкой.

В пятнадцать на нее уже заглядывались женихи из лучших семей Алантии.

А что бы и не посмотреть: из чахоточной девчушки Доро-

ти Вильямс превратилась в девушку с фигурой статуэтки и лицом речной богини. Мاستью она пошла в родню по матери: светлые пшеничные волосы, яркие синие глаза и белая кожа без изъянов. Румянец на фарфоровых щеках и ямочки от улыбки.

А вот свою необычную силу ей приходилось скрывать как от друзей, так и от семьи. Домашние, если и замечали неладное, помалкивали, а слуги в их доме были неразговорчивы. Секрет хранился надежно.

Но сегодня ей эту силу пришлось показать.

Иначе бы вместо людей Черного Пса Морено сейчас бы палубные доски заливала кровью из ран ее команда. А своих Дороти старалась беречь. Пусть себе косятся, к вечеру хлебнут рому, а завтра уже будут тратить трофейные монеты в порту, а с пьяных матросских баек какой спрос?

Кто им поверит, что их капитан прыгнула без троса на борт фрегата, хотя до того борта не меньше пятнадцати футов было, и приложила оторванным штурвалом разом троих пиратов? У рома длинный язык, к моменту прибытия в порт штурвалов станет три, пиратов сорок, а капитан будет извергать из глаз молнии.

Но про трюм и руль канонирша Бертон говорила правду.

Знаменитая “Каракатица” была еле жива и ползла на чистом упрямстве. Скорее всего, Морено рассчитывал под прикрытием вечернего тумана проскользнуть мимо архипелага и уйти к изрезанным миллионом бухт островам Сабли. По-

тому что выходить на открытую воду на такой дырявой лоханке – чистое безумие.

А ведь еще пару дней назад за “Каракатицей” числился титул самого быстрого судна этих вод. Взять Черного Пса Морено в океане не смогли бы и три фрегата разом. Уж больно хороша была “Каракатица”! Да и команда с капитаном под стать кораблю – рискованные, быстрые и умные.

Губернатор еще год назад объявил награду в тысячу дукатов за их поимку. Потом тысяча подросла и стала десятком тысяч. Однако Черный Пес по-прежнему внаглую грабил торговые суда чуть ли не под носом у алантской армии. После сезона дождей командующий планировал открывать на “Каракатицу” большую охоту – Морено разграбил судно, перевозившее жалование для гарнизона Йотингтона, а это было уже прямым плевым на мундир королевского флота.

Однако не понадобилось. “Каракатица” – жалкая и ободранная, с перебитыми мачтами, вставала сейчас в фарватер “Свободы”, готовясь к позорному конвоированию, а ее когда-то лихая команда мрачно зыркала на капитана Вильямса и сплевывала на палубу кровавую слюну.

Черный Пес Морено сидел там же, среди пленных. Отдельно держать – слишком много чести для пирата. Досталось ему крепко – тем же штурвалом Вильямс отправила его в короткий полет, который кончился ударом о надстройку. И теперь пиратский капитан, левая часть лица которого была черной от ушиба, с помощью боцмана рвал руками на части

свою рубашу из тонкого алантского беленого льна, чтобы перевязать раны своим же людям.

Мощные мышцы напрягались, сухожилия натягивались канатами, два осьминожьих щупальца, вытатуированных на груди, сходились вместе, и прочная ткань расплзалась на ровные полосы. Морено замер, почувствовав на себе чужой взгляд, чуть повернул голову, давая понять, что заметил внимание и ему на это наплевать, и продолжил рвать рубашку стоимостью с два золотых. На то, чтобы перевязать брюхо мерзавцу, цена которому – ржавый медяк.

Вильямс кивнула корабельному лекарю, отдавая приказ помочь пленным.

За полную команду “Каракатицы” она может рассчитывать не только на награду в десять тысяч золотом, но и на орден от Его Величества. А также на симпатии губернатора, который отпишет в столицу о храбрости Вильямс. И это по возвращению позволит ей отвоевать обратно все, что растратили предки. Золото поможет выкупить проданные бабкой за бесценок земли и вернуть роду Вильямсов былую славу.

И уважение. Дороти Вильямс сжала кулаки. Она пленила Морено! После трех месяцев бесполезных погонь – такое везение.

Надо сказать, что все вышло случайно и заслуги Дороти в том не было: “Свобода”, вывернув из-за выступающего в море острого мыса, носом почти вошла “Каракатице” в борт – та как раз выходила из бухты. Деваться пиратам было некуда,

но в тот момент Вильямс об этом не знала – поэтому приказала канонирам ломать мачты.

Сейчас, рассмотрев “Каракатицу” вблизи и прогулявшись по ее палубам, Дороти вообще не могла понять, каким чудом судно держалось на плаву.

Огромная пробоина чуть выше ватерлинии, полный трюм воды, у носовой фигуры – той самой знаменитой каракатицы – отбита половина. По левому борту снесены ограждения и часть надстройки – словно там тайфун прошелся. Рулевое почти вдребезги. Может, Черный Пес не поделил что-то с морским дьяволом, и тот попросту откусил от руля знатный кусок?

Или ворон ворону глаз выклевал.

Впрочем, сундуки и грузы этот дьявол с корабля не забрал. Специи, шелк, серебро в слитках – вся последняя добыча с купца, которого пару дней назад “Каракатица” пустила на дно, предварительно подчистив все трюмы и высадив команду на шлюпку посреди океана.

И все же Дороти мучили любопытство и какая-то нелогичная обида, что Черного Пса она поймала только после того, как кто-то хорошенько его потрепал. Нет, она понимала – будь “Каракатица” в порядке, им бы достался только ветер от ее парусов, но все же, черт побери... Кто же грызнул за хвост неуловимого Морено и задал ему такого перца?

Следовало побеседовать с пленными. Вряд ли пиратский капитан захочет откровенничать с офицером королевского

флота Атлантии. Но может, кто-то из его людей окажется разговорчивее и в обмен на побряжки и заступничество на суде порадует рассказом? Например, этот огромный мрачный моряк, с исшрамованным лицом и боцманской дудкой на шее. Не сейчас, конечно, ближе к вечеру. Когда ее команда перестанет так настороженно коситься на своего собственного капитана и осознает, что они взяли большой куш.

Да, со штурвалом вышло излишне. И с прыжками тоже. Вильямс привыкла скрывать свои способности, справедливо опасаясь обвинений в колдовстве и вопросов, на которые у нее ответа не было.

Она действительно не знала, почему способна на такие вещи, и предпочитала считать это даром богов. Жаль, что у нее когда-то так и не получилось прижать к стенке Дорана. И как следует расспросить о том, не происходило ли нечто странное, когда она болела лихорадкой, после которой необычные способности и начали просыпаться. Впрочем, поймать на словах увертливого как угорь и смешливого Дорана Кейси у Дороти навряд ли бы получилось. Что тогда, что теперь. Жаль, что теперь это уже невозможно. Как же жаль!

Привычная тоска впилась в сердце. Доран уже десять лет как в царстве теней, его тело на дне океана, а Дороти все никак не может отпустить его и перестать тосковать!

Ей сложно давались новые знакомства и тем более дружба. Терпеть ее принципиальность могли не все, а она не выносила лицемерия, а иногда с трудом отличала шутку от же-

лания оскорбить. Вот и выходило, что за все десять лет сначала лейтенант, а потом командор Дороти Вильямс чаще дралась на дуэлях с новыми знакомыми, которые подвергали сомнению ее способность командовать кораблем, чем пила с ними вино за одним столом.

А уж занять вакантное место Дорана Кейси – погибшего друга детства, с которым они прошли путь от падения с яблони в отцовском саду до ворот Морской Академии Алантии – и вовсе никому не удалось.

Да, были несколько приятельниц на службе. Один забавный ученый граф-отшельник в городе. Невольница-служанка, которой Дороти доверяла помогать с прической и одеждой. И, пожалуй, все. Может, потому тоска и не отступала, продолжала капать ядом.

Дороти отдала приказ откупорить бочонок бренди для матросов и белого вина – для джентльменов. Как она и предполагала, после второго стакана ее провозгласили “славной девкой”, хоть и чокнутой. Но главное – за нее была морская удача, а значит, все странности прощались. Пусть себе колотит пиратов штурвалом, если ей так нравится.

Офицеры за ужином, впрочем, были куда сдержаннее в выражении радости, но тоже скрыть торжества не могли – уж слишком солидная награда светила “Свободе”. И уж слишком легко она приплыла в руки.

– Мисс Бертон, а как вы полагаете, с кем сцепились наши уважаемые гости? – спросил один из младших офицеров,

оценив по достоинству букет вина и отдав должное мастерству кока, который по такому случаю запек гуся.

— Полагаю, с кем-то столь же уважаемым, но позубастей, — вместо канонирши Бертон ответил кто-то из старших офицеров. — И этот кто-то сделал за нас всю работу и упокоился с миром на дне морском, оставив нам “Каракатицу” и весь ее груз. Я считаю, что за это надо еще раз выпить, господа! За командора Вильямс и ее удачу! За “Свободу”, господа!

— За “Свободу”! — дружный хор голосов перекрыл скептическое покашливание Бертон, которая только согласно развела руками и присоединила свой бокал к остальным.

После ужина, уже пребывая в хорошем расположении духа, Дороти приказала привести к себе пиратского боцмана, рассчитывая разговорить его. Матросов, которые хотели остаться в каюте ради безопасности своего капитана, она отпустила. Оставила только служанку, верную чернокожую Сэмми, на случай если понадобится подать вина.

Боцман, которому пришлось согнуться чуть ли не вдвое, чтобы пройти в двери каюты, оказался угрюмым, неразговорчивым малым.

Вильямс убила почти час, пытаясь вытянуть из него хоть что-то. Но именем и короткой биографией все успехи и закончились.

Боцмана звали Джок Саммерс, он служил на флоте с младых ногтей, был ранен во время стычки с капером, уволен по ранению. Это боцман спокойно выложил с самого нача-

ла, а вот дальше – точно шлюз закрыли. Все красноречие Вильямс, которое она изливала на голову пирату, расписывая ужасы каторги на Рилос-Таро и неприятные ощущения от пеньковой веревки на шее, пропало втуне. Саммерс замер истуканом и, казалось, вовсе не слушал. Пялился крабом куда-то в стену.

– Расскажи, кто вас так отделал? Я не скрою, корабль Черного Пса Морено – лакомый кусок, и мы вас, как это, не заслужили...

– Я могу замолвить словечко...

– Всего лишь год на местных копиях или вся жизнь на рудничном колесе...

– Если есть еще важные новости о других судах, то возможно полное восстановление...

Саммерс молчал.

Под конец, когда Дороти уже не выдержала, стукнула бокалом об стол и приказала Сэмми позвать матросов, чтобы увели, Саммерс отмер и сказал неожиданно тихо:

– Хорошо дерешься, капитанша. Лучше многих. Меня никто не мог положить в кулачном бою. И Морено тоже, особенно когда у него в руках палаш. Ты – смогла.

– В мои цели не входило производить впечатление на пиратов, – холодно ответила Дороти. – Я берегла свою команду. И хотела бы уберечь ее в дальнейшем, и поэтому я последний раз спрашиваю, кто напал на вас?

Но Саммерс опять замолчал.

Матросы увели его к остальным – на палубу. Дороти не рискнула запирать головорезов в трюме – неровен час в темноте передушат охрану. А наверху часовым удобно. Тем более фонари горят и луна почти полная – незаметно кандалы не снимешь.

Вино закончилось уже за полночь. Опыянения почти не чувствовалось, как всегда, только в голове слегка шумело. Дороти вышла на палубу, освежиться.

Все было в порядке – паруса сложены в ожидании утреннего ветра, масляные светильники яркими пятнами рассеивали темноту, двое часовых тихо переговаривались за игрой в карты. Еще двое расслабленно сидели у борта, но с пленных не сводили глаз – еще бы, за такие деньги можно и сутки не поспать.

Пираты спали, кто как. Из угла, где положили раненых, раздавались тихие стоны, перемежающиеся с молитвами, потом кто-то захрипел и начал звать в бреду мать. Пираты беспокойно пошевелились, но на ноги встал только один – сам Черный Пес, в свете ламп мелькнули изгибы щупалец, которые оплетали и спину тоже. Потянув за собой остальных, связанных с ним единой цепью кандалов, он двинулся туда, где стонали. Опустился на колени, окунул в ведро с водой кружку и дал раненому напиться, потом наклонился ниже, закрыв от Дороти широкой спиной происходящее.

Командор шагнула вперед, придерживав за плечо часового, который уже хотел пойти разобраться.

– Отставить. Я сама.

И подошла ближе, осторожно переступая через спящих. Морено к этому времени уже выпрямился и теперь просто расслабленно сидел рядом.

Раненый затих.

Подойдя ближе, Вильямс поняла, что навсегда – от ран не умирают, так странно вывернув шею. Впрочем, парень был не жилец, даже на расстоянии чувствовалось, как сильно нагноилась рана.

– Черный Пес дарует последнюю милость? – спросила Дороти.

Ей было интересно. Черный Пес Морено – легенда морей. Неуловимый, жестокий, беспощадный. И все-таки она его поймала. Она, Дороти Вильямс.

Пират вздрогнул, очнулся от глубокой задумчивости, чуть двинул головой на звук голоса, но целиком не повернулся, точно посчитал говорящего не достойным своего внимания.

– Я неграмотный пират, мэм. Красивых слов не знаю. Он мешал мне спать.

Ха! “Мэм”! Так обращались только к старухам. А ей двадцать девять.

Дороти сложила руки на груди.

– Завтра к полудню мы доставим вас в Йотингтон. Мои люди проследят, чтобы вас поместили отдельно, а то к утру вы передадите всю команду. Но можете составить компанию мне – за вином и ужином, проводите вольную жизнь.

– Не бесплатно?

– Да, и вы знаете, в обмен на что.

Черный Пес наконец соизволил обернуться и посмотреть на Дороти. Его единственный глаз (второй был прикрыт плотной повязкой), под которым наливался чернотой синяк, заходящий на скулу, почти целиком заплыл, но даже через эту щелочку Морено ухитрился взглядом показать все, что он думает о предложении. Разбитые губы изогнулись в усмешке, он осмотрел Дороти внимательно и цепко, точно на рынке прицениваясь, оскалился и, медленно подбирая слова, проговорил:

– Благодарствую, мэм, но я простой парень. Не приучен столоваться с благородными дамами. Хотя в другое время и при других обстоятельствах вам, мэм, стоило бы больших усилий избавиться от моего общества.

– Угрожаешь даже из кандалов?

– Упаси бездна угрожать той, кто разметала моих ребят, точно мы бордельные девки. Не понимаю, зачем такой вообще нужна команда? Мне интересно, мэм. И да, я люблю и женщин, – он многозначительно ухмыльнулся, словно Дороти предложила ему разделить постель, – и выпивку. Много чего люблю. Но сегодня я слишком хочу спать. А завтра буду занят: знакомство с палачом случается раз в жизни, тут как на свадьбе – отвлекаться нельзя.

– Что ж, тогда спокойной ночи, капитан Морено, – пожелала Дороти, приказала выкинуть мертвеца за борт, увести

Черного Пса подальше от его людей и присматривать за ним отдельно.

Морено не сопротивлялся, дал себя расковать и приковать снова уже к бортовому кольцу. Привалился к переборке и спустя несколько мгновений задышал ровно, забывшись сном.

Казалось, ему были нипочем и ночная прохлада, и предстоящий суд, и то, что он пять минут назад убил человека.

У Дороти внутри заскреблось дурное предчувствие, но она отогнала его, заставив себя думать о предстоящей награде, а также о скорой встрече с ростовщиками, которым принадлежали выкупленные земли. С такими деньгами и безупречной родословной Дороти снова станет завидной невестой. И никакая она не “мэм”! И женихов у нее теперь будет – хоть в бочки засаливай.

Некстати подумалось, что, наверно, когда Черный Пес склоняется над женщиной, татуированные щупальца у него на спине мерно двигаются в такт, и он привстает на локти, а потом...

Резкий звук вырвал Дороти из странных и неуместных фантазий.

Это всего лишь плеснуло за бортом – акулы явились на похороны.

Глава 2. С корабля на бал

Йотингтонские балы были отдельной разновидностью пыток. Жара, многослойная парадная одежда, кислое вино. Но главной бедой было не это...

Самым главным мучением вечера являлись танцы.

Командор Вильямс, которую за ее долгую жизнь пытались обучить этой премудрости целых три учителя (безуспешно), танцевать не любила, не хотела, а главное – не умела. Чувство внутреннего такта, которое позволяло другим не сбиваться с ритма движений, у Вильямс отсутствовало.

Бедные кавалеры стоически терпели ее деревянные па, трагически морщились, когда она наступала им на ноги, и старались при следующих звуках музыки держаться подальше от привлекательной, красивой, но такой неуклюжей партнерши.

Сегодня ее, похоже, ожидали очередные круги мучений, которые по недоразумению называли бальными кругами. Она попыталась увильнуть от тяжелой обязанности, но стайка дам под предводительством Люсиль, губернаторской дочки, загнала ее в угол и, хихикая, записала на три танца.

– Дороти, милая, вы просто обязаны потанцевать с лейтенантом Шенвудом. Он только вчера к нам перевелся...

“И еще не знает, как я здорово оттаптываю ноги”, – с кислой улыбкой продолжила про себя Дороти.

Но спорить с Люсиль было бесполезно. Куда проще согласиться, потерпеть полчаса танцев, зато потом привлечь Люсиль на свою сторону в разговоре с губернатором.

За сумбурные три дня, которые прошли с того момента, как “Свобода” привела в порт плененную “Каракатицу”, Дороти едва ли успела перекинуться с губернатором парой слов лично.

Сначала были бесконечные совещания со всеми важными шишками Йотингтона, потом совет в штабе, потом суд и теперь наконец – объявленные в честь победы над пиратами празднества.

Команду “Каракатицы” еще вчера отправили морем на Рилос-Таро на пожизненную каторгу. Морено же оставили в городской тюрьме, чтобы в воскресенье торжественно казнить на главной площади в поучение и назидание, при большом скоплении народа. Сперва казнь хотели провести в пятницу, сегодня, но губернатор решил: чем больше народу соберется со всего острова, тем меньше потом будет шансов зародиться слухам о воскрешении Черного Пса. Уж больно популярен он был у портовой черни.

По кабакам уже шептались, что Черный Пес сцепился с кем-то жутким, с какой-то тварью из Моря Призраков, и только поэтому Дороти удалось так легко взять “Каракатицу” в плен. Ну как же, баба вдруг схватила самого отчаянного головореза Сабельной гряды! Такого быть не может! Слухи росли и ширились, и буквально за три дня все заслуги “Сво-

боды” в поимке банды забылись, а вот образ Черного Пса, который героически борется с морскими дьяволами, напротив, закрепился.

Это было несправедливо. Да, догнать пиратский корабль “Свобода” смогла именно по этой причине, но на бордаж-то шла команда Дороти. Не сами же головорезы в плен сдались и в кандалы себя заковали!

Впрочем, нет худа без добра: Черный Пес занял собой все сплетни, и о подвигах командора Вильямс со штурвальным колесом не шептались вовсе, что было несомненным плюсом.

И теперь кроме огорчительных танцев она ожидала приятное для себя вручение тех самых золотых, которые наконец вытащат семью из бедности. Жаль, приказ о награждении орденом должен был прийти не раньше чем через месяц, но Дороти рассчитывала, что к тому времени она уже вернется отсюда, из этой тропической дыры, на континент. В Атлантию.

Поэтому она отставила в сторону нетронутый бокал и, осторожно лавируя между гостями, подошла ближе к группе важных толстяков, в которой самым объемным был отец Люсиль. Тот Дороти заметил, но вопреки своей обычной привычке изображать бурную радость только кивнул рассеянно и вновь склонился к полковнику Филлипсу, который тихо и озабоченно что-то шептал ему на ухо.

Честера Филлипса Дороти не любила. Точнее – презира-

ла. Среди солдат гарнизона ходили нехорошие шепотки про нечистые руки полковника, к которым так и липнет чужое золото. И вправду, Филлипс был куда богаче, чем положено человеку его положения и происхождения. Однако свое состояние он оправдывал удачными вложениями в банковские бумаги, которые стали нынче модной вещью в высших кругах.

Дороти в ростовщичестве понимала мало, но Филлипса не любила по другим причинам. Во-первых, тот, несмотря на преклонный возраст – а ему было почти пятьдесят, – пытался за ней ухлестывать. Навязчиво, настойчиво и делая вид, что не понимает отказа. Во-вторых, полковник экономил на собственных солдатах, нисколько не следя за воровством интендантов, и те, пользуясь случаем, распоясались до полного неприличия.

Дороти отвернулась и поискала взглядом Люсиль. Стоит переговорить с ней, чтобы организовала личную встречу с губернатором после сегодняшнего бала.

Морской дьявол все побери! Дороти столько лет командует кораблем, и все равно вынуждена идти на ухищрения, чтобы добиться от какого-то сановника внимания!

Люсиль нашла в противоположном конце зала – беседовала с кем-то из недавно прибывших в форт военных, и судя по движению веера, собеседник был ей весьма интересен.

Дороти, которая уже почти окликнула ее, поспешно отвернулась. Мешать в такой ситуации не стоит. Значит, при-

дется выбивать свои деньги самой! Что ж, ей не впервой! Ей, конечно, никто и ничего не обещал, но она рассчитывала, особенно после поимки “Каракатицы”, что ей, как героине дня, уделят хоть толику внимания. Она решительно двинулась вперед, разрезая толпу точно фрегат волны.

Дойти ей не дали.

– Капитан, вы сегодня обворожительны! – на локоть опустилась рука одного из ее младших офицеров.

Дороти удивленно остановилась: чего ее команда никогда не нарушала – так это субординации, и даже будучи в подпитии, джентльмены оставались джентльменами, а тут... Она уже открыла рот, чтобы выговорить офицеру за его бесцеремонность, но тот неожиданно сильно сжал пальцы у нее на предплечье и наклонился, словно рассказывая неприличную шутку, а сам быстро зашептал на ухо:

– Дороти, уходите. Нужно бежать, немедленно. Сейчас придут солдаты, и вас...

– Что происходит? – шепнула в ответ она.

– Деньги. Все дело в десяти тысячах. Вас...

– Дороти Вильямс!

Голос, окликнувший ее, был холодным, деловым и к празднику не подходил абсолютно.

Дороти отпустила своего офицера, фальшиво улыбнувшись, и развернулась, разом выпрямляясь и кладя руку на эфес. Роста ей, конечно, это не прибавит, но рапира у нее на поясе висит не для красоты. А к парадному мундиру ее

ношение обязательно, так что даже на балу Дороти не была беззащитна.

Окликнувший не ожидал и отшатнулся назад. Он оказался одним из старших офицеров гарнизона, в сопровождении двух десятков солдат и почему-то пятерых местных священников из храмов Солнца и Луны.

– Чем могу быть полезна, господа? – спросила Дороти небрежно.

Офицер сделал еще шаг назад, потом понял, что выглядит глупо, побурел от злости и, решительно задрав подбородок, провозгласил:

– Командор Дороти Вильямс, по приказу командующего гарнизоном и в связи с особым распоряжением губернатора я вынужден вас арестовать.

Бальный шум вокруг исчез, точно кто-то накинул на толпу толстое войлочное одеяло. Все замерли, наострив уши, стараясь не пропустить ни слова.

– И в чем меня обвиняют? – Дороти не пошевелилась, только вопросительно приподняла бровь, но офицер все-таки не выдержал, забежал глазами, словно ища поддержки, и – отступил назад, почти упираясь в своих подчиненных.

– Вы обвиняетесь в использовании колдовства, – торжественно провозгласил он, но под конец фразы голос сорвался на фальцет. – Именем Его Величества.

– Что за бред? Я – дворянка. Да какое право вы имеете... Дороти настолько изумилась нелепости обвинения, что не

сопротивлялась, пока солдаты опасливо сковывали ей руки, и лишь только когда их попытались завести за спину, рванулась, одним легким движением стряхивая с себя и солдат, и порванные цепи. И только спустя миг осознала, что только что показала свою необычайную силу сотне человек разом.

– Имеем, дочь моя, – раздался спокойный голос позади.

Дороти начала поворачиваться, чтобы посмотреть на того, кто это сказал, но тут же поняла, что это ошибка – сбоку что-то мелькнуло и ударило в шею.

Мир перед глазами крутанулся, где-то закричала женщина, потом раздался спокойный голос Филлипса, приказывающий кому-то принести веревки, и стало темно.

Глава 3. Сокамерник

Дороти пришла в себя от дурного запаха и тупой боли в основании шеи.

А еще рядом кто-то насвистывал мотивчик “Русалочьей бухты” и так безбожно перевирал ноты, что ломило виски. Хотя, скорее всего, музыкант тут был ни при чем. Просто Дороти никто никогда не бил по голове.

Она потянулась, чтобы ощупать затылок, но поняла, что руки не просто занемели – ее запястья были прочно прикованы грубыми металлическими скобами к замурованным в стену толстенным кольцам. Она дернула, раз-другой, убедилась, что кузнец постарался на славу, и наконец огляделась по сторонам.

Камера была просторной и круглой – видимо, находилась в основании одной из тюремных башен. Почти под самым потолком в узкое окно-бойницу падал яркий лунный свет. Снаружи как раз наступило полнолуние.

Вход в камеру перекрывала дверь из толстых кованых прутьев, кое-где тронутых ржой. И будь у Дороти свободны руки, она бы смогла раздвинуть вон ту крайнюю пару и протиснуться в образовавшуюся дыру.

В центре камеры издевательски стояла деревянная бадья для нужды, до которой Дороти при всем желании – а желание уже появилось – было не добраться.

Дурно пахло от кучи гнилой соломы, которая лежала рядом и, по-видимому, служила постелью какому-то бедолаге в течение долгого времени. В соломе кипела активная жизнь, поэтому Дороти подумалось, что если разворошить подстилку, то можно найти останки предыдущего жильца.

Хотя нет, жилец тут имелся. Сидел напротив и задумчиво фальшивил “Бухту”, отбивая такт пальцами на колене. Руки у жильца были скованы кандалами с короткой цепью. Зато ноги – свободны.

– Капитан, – со всей возможной учтивостью кивнула Дороти, приветствуя.

Свист прервался, на нее прищурились единственным глазом, оскалились и вернули:

– Мэм.

Дороти откинулась на стену и попыталась расслабить руки, насколько позволяли оковы. Иронию ситуации она оценила в полной мере. Оказаться в одной камере с тем, из-за кого попала в неволю! Впрочем, винить Черного Пса Морено еще и в этих грехах было явным перебором.

Значит, офицер пытался предупредить Дороти, но не успел. Неспроста губернатор держался весь вечер в стороне – он знал. Но, морской дьявол побери, почему? Разве губернатору не выгодно получить свою часть лавров от Его Величества за казнь Морено?

Свист возобновился, раздражая. Теперь Морено мучил гимн.

– Вы бы не могли прекратить музицировать, очень мешает думать. Тем более что боги обделили вас слухом.

Морено даже не остановился. Покончив с гимном, он принялся за “Прекрасную Бетси”, а потом настал черед “Розы белой”.

Дороти попыталась отвлечься и все-таки додумать нужную мысль. Колдовство. Ну да, с таким обвинением сложно поспорить. Местные священники все как один были преданы лично губернатору – он построил два храма и теперь усиленно давил на купцов, чтобы охотнее жертвовали на третий. А если...

Тут Морено сфальшивил особенно сильно, и Дороти не выдержала:

– Пощадите мою голову. Она уже раскалывается от вашего свиста.

– Нет, – Морено даже не посмотрел в ее сторону. – Она раскалывается потому, что вас крепко приложили по затылку подсвечником. Так крепко, что очухались вы только сейчас, дорогая леди. С чем я вас и поздравляю. Принять свою участь с ясным умом – что может быть лучше, мэм?

– Для мэм лучше спать в своей кровати, а не в грязной конуре, рядом с преступником.

– От преступницы слышу, – Морено соизволил взглянуть на Дороти и даже шутливо отсалютовал, поднеся два пальца к виску. – И ваше преступление куда более тяжелое. Вот так живешь, режешь людей почем зря, но приходит благородная

дама, и все – ты уже второй. Даже в очереди на плаху.

– Какая плаха? – возмутилась Дороти. – А как же суд?

– А суд уже был. Как понимаю, вы все пропустили. Те пятеро, что притащили вас сюда, между собой болтали, что свидетельств против некой Дороти Вильямс было – хоть рыб корми. От простых матросов до господ офицеров. И все как один твердили, что командор – страшная колдунья, которую поцеловала Черная Ма. Только поэтому ей удалось взять на abordаж “Каракатицу”, а остальным дьяволы глаза отводили. Потому что наслала она на Черного Пса злые чары, а еще летала над палубой и хохотала. Это, как я понял, со слов вашей чернокожей служанки. А еще вы проклинали пушки “Свободы” – и две из них пришли в негодность. Это уже ваши канониры свидетельствовали.

– А вы?

– А что я? – сверкнул зубами Черный Пес.

– Вы тоже свидетельствовали против меня?

– Меня, к сожалению, не позвали. Не вышел рылом для высокого собрания. Но поверьте, мэм, я бы придумал что-то пострашнее полетов над палубой и списания порченого имущества. Но так или иначе, вас уже осудили и передали храму. Жрецы долго толпились тут, правда, в камеру не заходили. Но единогласно решили, что тянуть с таким делом нельзя, колдунья чертовски сильна, и нужно ее сжечь, пока дневной свет и хороший удар по затылку убавляет колдовские силы. Так что, мэм, вам удалось меня обскакать. Меня

повесят только в воскресенье, а вас сожгут уже в субботу.

На стене форта грохнула пушка, отмеряя полночь.

– Ну вот, уже суббота.

Дороти почувствовала, как от бешенства сводит скулы:

– Я офицер Его Величества, командор флота, дворянка.

Они не посмеют...

– Величество далеко. Пока еще догребет. А костер близко, – Морено звякнул цепями, устраиваясь удобнее.

– Губернатор...

– Полагаю, кто-то решил, что награда за мою голову будет куда лучше смотреться в его кошеле, чем в кошельке Дороти Вильямс. Тем более что у этого прощелыги-губернатора, у которого бы я не купил и бочку с рыбой в сезон дождей, в казне гуляет бриз. Помнится, мы знатно посмеялись, когда он обещал за мою голову десять тысяч. Все, что мог – он уже украл. Я видел отчет казначея, прежде чем пустить на дно “Принца Георга”. Читать я не умею, но цифры знаю. Кстати, наводку на тот корабль притащил посредник. И золотой на кон, что заказчик носит парик и дает ежегодные балы в честь храбрых солдат Его Величества.

Дороти задыхнулась от бешенства и прикусила губу. Какой позор! Если пират прав – то все сходилась. Губернатор никак не рассчитывал, что Черного Пса изловят, тем более если он сам пользовался его услугами. И объявленные десять тысяч, которые нужно было заплатить, уже давно украдены и потрачены на наряды Люсиль. Что делать? Зная характер

и прямолинейность Дороти, вряд ли губернатор сунулся бы к ней с повинной. Да и куда проще обвинить Вильямс в колдовстве – сама же, дура, показала свою “загадочную” силу – и убрать фигуру с доски.

А там, прав Черный Пес – пока вести дойдут до короля, костер уже догорит, и пепел развеется.

Умирать не хотелось! Особенно зная, как порадуются твоей смерти враги. Дороти в ярости дернула оковы – но кузнецы постарались на совесть, металл был толстенный, на быка.

– Мир – большой бордель. Чья-то очередь побыть снизу, – ухмыльнулся Морено. – Сначала вы меня, потом кто-то вас, мэм.

– Ну, вы меня переживете ненадолго. Как и ваши люди!

Улыбку с лица Черного Пса точно стерло, он нахмурился и прикусил губу, сдерживая рвущиеся с языка вопросы. Дороти даже отвлеклась от собственных переживаний, наблюдая, как в Морено борются гордыня и беспокойство за свою команду. Гордыня проиграла.

– Что с ними?

– Раненые скончались еще в среду. Их похоронили на острове на кладбище Сан-рок, за оградой. Живых вчера погрузили на торговца, который с утра должен был уйти на Рилос-Таро. Торговец был странный, но губернатор уверил меня, что человек надежный.

– А “Каракатица”?

– Ее подлатали. Течи заделали, рулевое тоже исправили.

Мачты сделали временные. С остальным собирались разобраться позже. Филлипс планировал вести ее через пролив, к архипелагу и далее на материк, показать командованию. Для такой короткой дороги большой ремонт не нужен. В главном штабе наверняка хотели бы взглянуть на судно, которое три года наводило страх на побережье. Я передала Филлипу часть своей команды, он добрал экипаж пехотинцами, – проговорила Дороти, больше сама себе, чем для Морено.

Скорее всего те, кто перешел под крыло к Филлипу, и свидетельствовали против нее на суде. И служанка, которую она семь лет назад выкупила у работорговцев!

Сегодня на рассвете “Каракатица” выйдет из Йотингтонского порта и увезет на себе лжесвидетелей, возможно, они даже полюбуются на дым с борта. И когда потом возникнут вопросы – никто из них не будет причастен к казни.

Морено мрачно усмехнулся.

– Эко вас скривило. Что, мэм, вы нашли виноватых? Жаль, что поздно, верно? – он поправил железный наруч, так чтоб тот не натирал недавно выжженное на запястье пиратское клеймо.

Дороти еще раз в ярости мотнула головой, стукнулась о стену многострадальным затылком и внезапно замерла, осененная мыслью.

– А почему мы с вами, Морено, делим одну камеру?

– Потому что в моей потоп, а пиратский капитан слишком ценная штука, чтобы держать ее в сырости. Неужели не слы-

шите – после заката поднялся ветер, до сих пор воет. Правда, лить уже перестало, но перед этим гремело так, точно конец света.

– И у вас руки скованы спереди, а ноги свободны?

– Ну не всем же быть колдунами и летать над палубой. Здешняя стража считает, чтобы удержать нормального человека под замком, достаточно одной пары кандалов и крепкой решетки на двери... – Морено приподнял брови и замолк, не договорив.

До него начало доходить. Что Дороти, хоть и прикованная намертво к стене, силы своей не растеряла и с оковами самого Морено может разобраться, а дальше...

Соображал Черный Пес быстро.

– Ты сломаешь мои кандалы... У тебя над головой два штыря, я смогу расшатать и вынуть их из стены. Браслеты на тебе толстенные, но кольца не вбиты в камень, а вставлены на раствор. Если его разрушить...

– Вот уж не думала, что своими руками буду помогать уйти в побег преступнику, – прошептала Дороти, когда Морено прижал закованные запястья к ее пальцам.

– Мир велик, а пути божественные... Я забыл, как там дальше. Ну и силища у вас, мэм! – восхищенно прошептал Морено, когда железный наруч на его левой руке Дороти порвала, точно тот был бумажным.

– Не жалуюсь.

Дороти только поморщилась. Это было не легко – пальцы

затекли и слушались плохо, на второй наруч пришлось потратить несколько минут.

Наконец Морено скинул опостылевшие оковы и размял запястья. Потом присел рядом на корточки, заглянул в глаза, придвинувшись так близко, что обжег кожу горячим дыханием, и сказал:

– Ты же понимаешь, мэм, что сейчас я могу вытащить из стены штыри, взломать решетку, свернуть шею охраннику и уйти, оставив тебя гореть на радость святошам? Или могу один из штырей вогнать тебе в горло – чтобы избавить от предстоящей мучительной смерти?

Дороти только выдохнула и медленно опустила ресницы в знак того, что поняла, и тут же снова упрямо подняла взгляд и посмотрела Морено прямо в глаза.

– На то, чтобы узнать, на каком торговце увезли твою команду, ты потратишь драгоценное время. Да и догнать “Каракатицу”, которую будут вести мои люди, под силу только мне. Так что проткнуть мне горло ты можешь и оставить гореть на костре тоже. Но тогда не видать тебе ни команды, ни корабля.

Морено помедлил еще миг, выдохнул досадливо:

– Святая наивность начала познавать мир! – и встал.

На то, чтобы выдернуть штыри, у Морено ушло около часа. Пребывание в тюрьме сил пирату не прибавило, а штыри вставляли хоть давно, но накрепко. Благо буря разогнала охрану по норам, и желающих проверять, что там за возня в

подвальной камере, не нашлось.

После того, как удалось достать первый прут, дело пошло веселее, хотя Дороти, казалось, что это длится уже целую вечность.

– Готово! – отрапортовал Морено.

В руках он держал два коротких кованых штыря, загнутых с одной стороны под углом. Такими раньше крепили между собой каменные блоки, чтоб они не расползались, пока не схватится раствор. Теперь оставалось самое трудное – вынуть из стены вмурованные туда крюки.

Чтобы было удобно долбить, Морено пришлось встать на колени вплотную к Дороти, и при каждом движении ее обдавало поочередно то крошкой раствора, то каменными осколками, то запахом пота.

С первым крюком Морено справился быстро – выскреб в растворе лунку, вбил туда штырь и, используя его как рычаг, расшатал крепление. Дело завершила Дороти, которой надоело и она дернула изо всех сил. Морено еле успел уклониться от вылетевшего из стены крюка.

– Потихе, мэм! – ухмыльнулся он, сунул в освободившуюся руку Дороти штырь и занялся вторым крюком. С этим справились быстрее.

Теперь дело было за силой Дороти. Первоначальную мысль раздвинуть прутья она отмела – расстояние, на которое она могла разогнуть металл, было слишком мало, и если у Дороти еще вышло бы туда протиснуться, то Морено од-

нозначно рисковал застрять. Хотя оставить тут пирата было соблазнительно... Но подло.

Поэтому в ход пошли уже испытанные штыри – с их помощью получилось отжать петли, а потом Дороти дернула решетку на себя. Та с хрустом поддалась и осталась у нее в руках.

Морено только хмыкнул:

– А может, и не брешут про тебя и Черную Ма.

– Сколько тут охраны? – тихо спросила Дороти, когда они, прождав пару минут, осторожно ступили в коридор.

– Обычно трое, но тебя принесли впятером, – Морено озабоченно осмотрелся, и не найдя ничего похожего на оружие или могущее его заменить, сплюнул и удовольствовался проверенным в деле штырем.

За поворотом коридора было пусто, только на стене чадил масляный светильник. Зато откуда-то издалека раздавались голоса.

– Не убивай.

– Если ты их пожалеешь и оставишь в живых, они поднимут шум, и тебя опять будет ждать костер.

– А тебя виселица.

– Не, этим я живым не дамся. Они ж штурвалом приложить не смогут.

– Как вас легко впечатлить, Морено, – фыркнула Дороти, прикидывая, с какой силой надо сдавить шею человеку, чтобы в запасе у них было больше пяти часов.

– Капитан Морено.

– Что? – переспросила Вильямс.

– Капитан Морено, мэм. Этого у меня пока еще не отняли.

– Капитан без корабля. Без команды. Зато гонору – на целый флот.

– Один капитан и одна мэм. Без команды. И без кораблей. Гонором можно и померяться, но я не уверен в победе.

– Черт с вами, Морено... капитан Морено. Раз уж нам грести в одной лодке, да и еще и без руля, предлагаю перейти на имена. Доротея Вильямс.

– Рауль, – с некоторой заминкой неохотно буркнул Морено. – Мы закончили церемонии? А то пока мы тут топчемся, охрана помрет от старости.

Первый охранник вывернул на них неожиданно. Похоже, он просто стоял за углом, а теперь решил пройтись. Черный Пес был быстрее – железный штырь коротко свистнул и ударил плоской стороной чуть ниже уха. Дороти успела подхватить осевшее тело и утащить его за поворот.

Оставалось еще четверо.

Когда Дороти вернулась, Морено уже уложил второго – с этим так аккуратно не вышло. Похоже, его ожидал храмовый госпиталь – скользящий удар пришелся неудачно, и вместо пары часов беспамятства охранник получил больничную койку.

– Моя очередь, – прошептала Дороти и бесшумно скользнула к двери, из-за которой раздавались голоса.

Цепь от оков она намотал на руку, превратив ее в кастет.

Когда было нужно, Доротея Вильямс могла быть очень быстрой и очень тихой. Насколько – пожалуй, знал только Доран, которому пару раз посчастливилось подглядеть за тем, как подружка на спор забирается по отвесной стене и прыгает с пятнадцатифутовой высоты, словно огромная кошка. И все это столь бесшумно, точно она тигр в джунглях, а не курсантка Морской Академии.

Сейчас никто из охранников даже не успел закричать.

Первым движением Дороти выставила дверь. Старые доски поддались легко.

Вторым запустила ее в грудь тому из солдат, который сидел ближе.

Еще долю мгновения потратила на то, чтобы добраться до второго охранника, легко сдавить ему горло, сразу отпустить бессознательное тело.

И тут же перехватить начавшего вставать на ноги третьего, который как раз успел бросить кости, перед тем как Дороти ворвалась в комнату.

Третье тело опустилось на пол одновременно с тем, как остановилась катящаяся по столу кость.

Выпала шестерка.

Хороший знак.

Морено, вошедший в каморку следом, резко отшатнулся обратно в коридор и уже через секунду опускал на пол еще одного. В этот раз было сработано чисто.

Пират сгреб со стола мелкие монеты, наклонился над телами и уважительно покачал головой.

– Я бы взял тебя в свою команду, мэм.

– Для тебя – командор. И я бы к тебе не пошла.

Через четверть часа двое усталых гарнизонных солдат, рослый и сублильный, спасаясь от ливня, бурча на непрерывающийся дождь и хляби небесные, прошли мимо сонного караула у городских ворот и скрылись в грязных запутанных переулках Йотингтонского порта.

Глава 4. Бригантина

О том, на каком из причалов до сих пор стоит подозрительный торговец, им рассказал завсегдатай кабака за несколько медяков. И с проникательностью истинного обитателя трущоб добавил:

– Не ходили б вы туда, милсдари... военные. Мутные там люди. Нехорошие. И кораблик у них дурной. С гнильцой.

Дороти про себя удивилась, что ж такого должна натворить команда торговца, чтобы безногий и дважды клейменный коренной житель Йотингтонского дна сказал о них такое. Выходило поедание младенцев, по меньшей мере.

И странно, что “Грозовая чайка” до сих пор не отчалила, ведь должна была еще днем.

Зато другие вести оказались хуже – “Каракатица” снялась с якорей аккурат перед закатом и успела до грозы выскочить из бухты.

Куда она ушла, нищий не знал: с борта на берег никого не выпускали. Как только туда офицеры поднялись и солдат загнали, так сразу и отплыли, точно за ними дьявол гнался.

Морено, если и удивился непрошенному совету от бродяги, то виду не подал. Кивнул, добавил еще медяк из мошны тюремных охранников и решительно зашагал к указанному причалу – торговому. Военные швартовались ниже, за мысом – там и причалы были новее, и стража серьезнее. Там

стояла “Свобода”, которую Дороти еще утром считала своей.

С того момента, как они выбрались из каземата, она все пыталась для себя решить, кто она теперь – беглая преступница или романтическая страдальца за правду, мстительница и жертва? И насколько далеко она способна зайти, чтобы вернуть себе положение, восстановить должность и репутацию, а главное – самоуважение.

Пока они пробрались к порту, Дороти в голове проиграла пять разных сценариев, которые заканчивались одинаково приятно – продажный губернатор стрелялся у себя в кабине в ужасе от того, что неминуемая кара вот-вот настигнет. Его дочь вся в слезах под черной вуалью отправлялась в самый удаленный на острове монастырь. Победный салют, награждение, зло повержено, Пес Морено повешен под овации на центральной площади...

Вот тут в фантазии вмешивалась совесть, делала кислое лицо, и никакие доводы разума про “он заслужил” настроения ей не исправляли. Вешать того, с кем вместе бежала из застенков и дралась – пусть это и были сонные тюремщики, – не получалось даже в воображении.

Для того, чтобы мечты стали реальностью, Дороти нужна была “Каракатица” и те, кто на данный момент были на борту. Полковник Филиппс и команда “Свободы”, которая продала своего капитана на костер и не поморщилась.

Морено нужна была сама “Каракатица”.

И им обоим нужна была команда, без которой, будь они с

Черным Псом хоть сторукими великанами, на большом корабле далеко не уйдешь.

Но почему пленных пиратов вдруг передали какому-то мутному купцу? Обычная процедура куда проще – либо на виселицу, либо на каторгу военным кораблем. Наверно, опять темные дела губернатора.

Совещались у лодочных сараев, тут было подобие козырька, который защищал от льющегося с неба потопа.

– Придется соваться сразу боем. На разведку у нас нет времени, – Дороти сняла шейный платок, мундир, сапоги и осталась в одной рубашке и штанах. Недостойно для благородной леди, но в одежде плыть не с руки. Капающая сквозь прохудившийся соломенный навес вода сразу намочила рубаху, и она неприятно прилипла к телу.

– Согласен, – пробормотал Морено, тоже скинул лишнюю одежду, встал рядом и покосился на грудь Дороти.

Она из принципа не стала прикрываться – все равно после купания промокнет до нитки. Пусть паянется, мужлан! Можно подумать, на корабле Дороти не привыкла к заинтересованным взглядам. Хоть одну шуточку посмеет отпустить – она свернет ему шею!

Морено однако шутить не стал, скабресничать тоже, выдохнул, моргнул медленно, отвернулся, словно стена дождя была интереснее, и продолжил:

– Я могу спрятаться на острове, но ради твоей головы, мэ, губернатор перевернет и перетрясет все трущобы и ка-

навы. Йотингтон – не столичный Дортон и не огромный купеческий Саватт, спрятаться особо негде. А сидеть в джунглях в такой компании я нахожу... вредным для репутации.

– Пирата не устраивает моя компания! Я ранена в самое сердце. – Дороти смахнула капли с лица и уточнила: – С борта или со сходен?

– С борта.

Для начала, вместо обычного для этих мест грузового кофа – толстого и неповоротливого, которыми пользовались торговцы, корабль оказался бригантиной. Хищной, быстрой и зубастой. С полным вооружением. При этом нижние оружейные люки были замаскированы, и выдали их только мокрые неровные потеки дождя на досках.

Под якобы расставленными по верхней палубе ящиками с товарами скрывались еще по три легкие пушки с каждого борта. Дороти прикинула точность расчетов здешнего квартирмейстера, ухитрившегося, не испортив баланс корабля, обвесить его дополнительным вооружением, и уважительно цокнула языком. Ей бы такого на “Свободу”!

На главных сходнях дежурил тип в длинном кожаном плаще и капюшоне: кого-то ждал. Но судя по зажженным огням на носу бригантина вот-вот была готова отчалить.

Часовой беспокойно ходил туда-сюда и вглядывался в пелену дождя. Видимо, ожидание затягивалось, и это играло на руку.

На борт вскарабкались со стороны грузовых сходен: Рауль

по канату, Дороти по скользкой якорной цепи.

Неприятности начались с ходу. На верхней палубе была охрана, которую они не разглядели с пирса.

Раулю повезло больше – он тенью проскользнул между ящиками, прикрытыми брезентом, и исчез из пятна света, который давал бортовой фонарь.

Охранник вышел сразу на Дороти. Она даже не успел выдернуть из ножен кортик, только пригнулась в ожидании атаки.

Страж оказался чернокожий, громадный, но без рабского ошейника и голый по пояс. Штаны на нем были из столь дорогой ткани, что ими не побрезговал бы и гость на губернаторском балу, а толстое серебряное ожерелье на эбонитовой шее стоило как месячная выручка от торговли живым товаром.

Оба замерли на долю мгновения, прицениваясь к противнику – и оказалось, что Дороти просчиталась.

Впервые в жизни кто-то оказался почти равен ей по силе. Вернее, чернокожий добирал это опытом.

Дороти попыталась заломить охраннику руку, но тот хитрым приемом освободился из захвата, оставив на пальцах пленку масла. И в ответ ударил резко, пушечно, целя в лицо и не размениваясь на то, чтобы взять гостью живой. Дороти еле успела пригнуться, чтобы, выпрямляясь, врезать громаде в живот, а потом обхватить его поперек тела и прижать руки к торсу. Секунда-вторая, и противник снова оказался

на свободе, а Дороти отлетела в сложенные ящики, с ходу проломив верхнюю крышку, и запуталась в наброшенном на них брезенте. Вот это боец! Дороти даже не успела перевести дух!

Чернокожий не пытался выяснить, что здесь делает чужак, окликнуть или позвать кого-то на помощь – снова метнулся в атаку пантерой, стоило только попытаться встать.

Они сцепились беззвучно, точно оба были немыми, показались по палубе, но тут Дороти улыбнулась Черная Ма, которую она никогда не видела и никогда ей не молилась, – перекаtywаясь, ее противник встретил головой медную обшивку выступа, а Дороти постаралась, чтобы встреча была максимально плотной. И многократной.

Громила обмяк, Дороти потрогала шею под золотым ожерельем – пульс был хоть редкий, но сильный. Секунду она раздумывала – обезопасить себя и Морено целиком или все же проявить милосердие. Убивать охранника не хотелось, ведь, по сути, он защищал свой корабль от чужаков.

Но тут Дороти заметила между острыми зубцами на цепи ожерелья тонкие золотые кольца.

Серьги. Моряцкие. Больше полусотни даже с виду, без счета.

Милосердие сделало вид, что моргнуло, а шум дождя спрятал хруст позвонков.

Из моряцких сундуков не составляют и добровольно с ними не расстаются: не продают и не покупают, не ста-

вят на кон в кости. Потому что это последний взнос за последний путь и последний приют. Когда ты уже ушел в царство теней и обречен вечно молчать, тот, кто остался рядом с твоим телом, получает серьгу как плату за работу могильщика. А этот чернокожий, выходит, собирал с трупов их помертвую плату. Какая мерзость!

В память о драке у Дороти остались пять неглубоких порезов на плече – дикарь носил на пальцах левой руки металлические наперстки с когтями – и еще разбитая губа.

Где-то спереди зашумело, мелькнула тень, и на секунду в свете фонаря показался Морено, держащий наизготовку абордажный палаш, лезвие которого уже потеряло блеск из-за замаравшей его крови. Огляделся и снова бесшумным смуглым призраком исчез в пелене дождя.

Значит, нужно ждать.

Дороти замерла и прислушалась – где-то левее раздался короткий свист и всплеск. Похоже, что экипаж “Грозовой чайки” снова убыл на единицу – Морено бил наверняка и жалеть тех, кто вез его команду на каторгу, не собирался. Что ж, хорошо бы добраться до здешнего капитана первой и встряхнуть из него причины, по которым он взял столь спорный груз. Незаконно взял.

Но когда Дороти спустилась в жилую часть, на нее, точно тигрица, налетела со спины рыжая охранница. Обхватила ногами за шею, сжала бедра и попыталась резким, коротким движением сломать позвоночник. Но шея у Дороти

была приделана крепче, чем ожидала убийца. Она пошатнулась, но успела скинул с себя дурную наездницу, отмахнулась вслепую, получила очень сильный удар в солнечное сплетение и, задыхаясь, упала.

Но тут появился Рауль и коротким ударом в шею спас ситуацию. Быть обязанной пирату было ново и неприятно.

– Без меня ты беспомощна, – мимоходом бросил Морено, протягивая руку и помогая встать.

– Я ее не увидела в темноте, – Дороти поднялась с обломков рундука, на который ее отправили коварным ударом.

– Ты командовала кораблем или пансионом для благородных девиц? Женщины куда опаснее мужчин. Хорошо она тебя отделала! Жаль, что такой оторвы не было на “Каракатице”. Игра в благородство нам сейчас не помощник. Если дама тыкает в тебя кинжалом – придется тыкать в ответ. Мне совсем не хочется потерять все и пойти на дно кормить крабов только потому, что одной девице захотелось еще немного побыть благородной леди. Ты вне закона, Дороти Вильямс! Ты – как я. А я – не джентльмен. Так что забудь про правила хорошего тона. И бей первой.

Рауль наступил сапогом на волосы рыжей охраннице, которая как раз потянулась к отлетевшему в сторону ножу, и почти без размаха врезал ей кулаком под подбородок.

– Часа три у нас теперь есть в запасе. Пошли.

– Мне все это не нравится, – поделилась Дороти. – Они не похожи ни на торговцев, ни на контрабандистов. Это ка-

кие-то наемники... Точно ашашины с Востока, из Горавии.

Конвоиры на торговом судне “Грозовая чайка”, где держали команду “Каракатицы”, и впрямь оказались странными. Если не сказать больше... Да и сам корабль тоже.

– Ты нашел своих? – Дороти хоть и встала на ноги, распрямляться не торопилась – жгучая боль еще не отпустила, и больше всего хотелось сейчас прилечь тут в углу.

– Видел мельком, но пришлось отвлечься. Разбирался с капитаном. У нас с ним случился хороший разговор. Резкий. С глаза на глаз. Не пойму, кто тут настолько сбрендил, что поставил на командование черного ублюдка?

– Дьявол тебя побери! Я хотела с ним поговорить.

– Пятьдесят футов вниз, и он весь твой, – Морено красноречиво указал палашом в днище корабля. – Но он будет неразговорчив, со второй-то улыбкой на шее.

– Зря. Мы могли бы получить вести о “Каракатице” и сведения о том, почему твою команду передали этим наемникам. Не понимаю, как ты стал капитаном? С таким талантом предвидеть.

– Я служил коком, но то, что я готовил, было невозможно жрать, и ребята от греха подальше выбрали меня в капитаны, – оскалился Морено, обыскивая бессознательную рыжую. – Капитанская каюта дальше всего от камбуза, а они перестраховщики.

– Он мог здорово облегчить нам жизнь, – упрекнула Дороти.

Черный Пес устало вздохнул и сказал:

– А теперь он облегчает жизнь акулам. А курс “Каракатицы”... Ты права, неплохо знать, куда отправилась моя детка. Я добуду новости из этого рыбьего корма, – он кивнул на рыжую. – Только поверь, ты не захочешь знать, как именно. Верхняя палуба чиста – там были трое плюс капитан. Остальная команда, похоже, спустилась на берег и не вернулась на борт вовремя. Так что нам повезло. Но времени впритык. На тебе трюмы – я заглянул мимоходом, там один охранник. Пистолетов у него нет. А я пока что побеседую ...

Дороти не стала спорить – в конце концов, кто она такая, чтобы мешать Черному Псу убивать работорговцев, этих океанских шакалов? Она подхватила саблю, вышла за дверь, осторожно прикрыла ее за собой и, не оглядываясь, спустилась вниз.

Людей с “Каракатицы” держали в кормовой части трюма – двадцать человек загнали в тесную железную клетушку, в которой они могли только стоять, стиснутые прутьями и плечами своих же сокамерников.

Охранял этот зверинец странный моряк, с простодушным лицом, которое уместно бы смотрелось где-то в глубине университетской библиотеки, а не на борту судна с живым грузом. Но у Дороти нехорошо засосало под ложечкой, и она, идя на поводу у своей интуиции, крепче взялась за рукоять сабли и медленно спустилась по ступеням, стараясь ни на секунду не выпускать из вида охранника.

Тот, казалось, ничего не замечал – перекладывал увлеченно карты в колоде.

Пленники Дороти заметили сразу, но не выдали ее ничем – ни жестом, ни звуком. Только самый громадный из них, Саммерс, которому приходилось стоять согнувшись – клетка была на четверть фута ниже необходимого, – беззвучно проговорил “бей”.

Но Дороти настиг приступ любопытства – карты в руках матроса, а точнее, рисунки на них были столь необычны, что сначала она подумал – мерещится. Но спустилась еще ниже и поняла, нет, зрение не обманывает – на прочных лаковых картонках обнаженные тела сплетались в фигуры, и количество участников свального греха на каждой равнялось стоимости карты.

Женщины – блондинки, брюнетки, рыжие, с косами и без, но обнаженные и пьяные от вина ласкали мужчин. Непотребство! Благородной леди смотреть на такое – позорно! Но Дороти не могла отвести взгляд.

Матрос медленно перебирал карточки, всматриваясь в рисунки. А Дороти стояла у него за спиной и тоже глядела, впервые видя такие гравюры.

Груды, щиколотки, бедра, звериные лапы и змеиные тела – все сплеталось на некоторых картах. Картинки были одновременно бесстыдны, безнравственны и завораживали, как песня сирен.

Матрос покрутил в руках очередную карту, вложил в

центр колоды и вытянул следующую. На ней были двое: широкий и мощный темноволосый атлет нависал над блондинкой, которой волосы закрывали лицо. Она стояла на четвереньках, как животное, а он напирал на нее сзади. Ее напряженные пальцы царапали пол явно не от муки, а от постыдного удовольствия. Лицо же мужчины было торжествующим и победным.

Такого в своей жизни командор Дороти Вильямс не встречала. Нет, она знала, как это должно происходить между мужчиной и женщиной, и не раз вытаскивала свою команду из борделя, но стоило ей войти туда, как все вокруг обретало приличия.

Но поразило ее не это, а собственная реакция – тело, которое всегда было послушно своей хозяйке, внезапно решило все само – внизу живота сначала появилась сладкая истома, а потом ноги прошило сильной судорогой. Только этого не хватало, ей надо обезвредить охранника, а тут...

Но оторвать взгляд от картинки никак не выходило. Хотелось запомнить все до малейшей черточки – и открытый в немом стане рот женщины, и крепкую руку, которая поддерживала ее под грудь, и пальцы, сомкнутые на пятнышке соска, и то, что происходило ниже.

То, что сидело где-то внутри, под кожей, отравленной тайной иглой, то, что мучило ночами еще в Академии, когда друг по детским играм Доран, разгоряченный после тренировки по фехтованию, прислонился горячим боком. То, что

боялась даже представить отчетливо – вот оно, нарисовано в мельчайших деталях. Как крупный и наверняка горячий ствол входит промеж крутых ягодиц. И приносит наслаждение, заставляет рот открываться в стоне, а руку держать крепче.

По всей видимости, Дороти как-то выдала себя – выдохнула громче обычного или пошевелилась, но матрос внезапно обернулся, вскрикнул от неожиданности, вскочил с ящика, на котором сидел, и карты дождем посыпались у него из рук и разлетелись по полу.

Больше медлить не стоило: Дороти шагнула вперед, поймала поднятую для удара рукоять кнута – тяжелую, заполненную свинцом, а правой прихватила матроса за горло. Тот еще несколько секунд протарачился, а потом обмяк.

Дороти опустила его на доски, стараясь не засматриваться на рассыпанные карты, и сняла с пояса ключи от замка, на который запирался засов клетки.

Через минуту вся команда “Каракатицы” со стонами повалилась на пол и разминала затекшие руки и ноги.

Стоять остался только Саммерс, который наоборот выпрямился во весь свой гигантский рост и резкими движениями растирал сведенные судорогой плечи.

– Уж кого мы не ждали, так это командора Вильямс, – просипел он и, блаженно постанывая, потянулся. – Вот и настал день, когда я очень рад вашему личику.

– Это невзаимно, Саммерс. Если бы не нужда, мне бы и

в голову не пришло вытаскивать вас из клетки. Я скорее бы навесила на нее второй замок.

– О, какие звуки, наша мэм сделала моим крошкам хорошо? – голос Морено был точно взмах волшебной палочки.

Команду разом соскребло с пола, поставило на ноги и вытянуло во фрунт.

К тому моменту, когда Морено достиг последней ступени лестницы, по его людям было не сказать, что еще минуту назад они не могли стоять на ногах.

– А колдуньей называют меня! – хмыкнула себе под нос Дороти.

– Джок, – Морено выжидательно и беспокойно уставился на бoцмана.

Тот развел руками и коротко отрапортовал, что их до сегодняшнего утра держали в подвале ратуши, а потом под конвоем доставили сюда и запихнули в клетку.

– Они что-то спрашивали? За каким дьяволом вы им сдались? – Рауль Морено смотрел тяжело, словно предчувствуя ответ, который ему будет не по нраву.

– Да. Они хотели знать, когда и где снесли руль “Карака-тице”.

Рауль прищурился:

– Когда и где?

– Да, кэптен. Потому что кто это сделал – они уже знали.

Глава 5. То, что скрыто во тьме

Черный Пес был зол и встревожен.

Именно в таком порядке. А на Дороти неожиданно снизошло спокойствие. Видимо, потрясения в таком количестве как-то уравнили друг друга, и она попала головой в своеобразное око бури. Вокруг все ревело и происходило, но внутри отчего-то царила полная безмятежность.

Команда Морено перешептывалась, что-то обсуждала, но все звуки плыли мимо. Дороти с интересом разглядывал яркий кубик, который выпал из кармана матроса. Кубик был мал, но словно выточен из прозрачного зеленоватого горного хрусталя. Бледное свечение внутри него было едва заметно – как гнилушка на болоте. Оно то становилось ярче, то совсем блекло, и Дороти казалось, что интереснее этого мерцания на свете ничего нет.

Слова плыли мимо, теряя значение.

– Нужно догнать “Каракатицу”. Она вышла из порта днем – на ней отвратный сухопутный шкипер и ошметки команды нашей боевой мэм. На большой воде мы возьмем их без потерь, – Морено озабоченно вытирал ветошью палаш, стирая следы крови.

– На чем пойдем, кэптен? На этой странной лоханке? – один из пиратов, большой и грузный, с частыми шрамами на запястьях и пальцах (по всей видимости, корабельный плот-

ник), мрачно покачал головой. — Она мне не по нраву. Здесь дурно пахнет и происходит тоже дурное.

Остальная команда согласно зашепталась. Дороти никак не могла сосредоточиться. Попыталась отвести взгляд от кубика и тоже потерпела поражение.

— Чтоб вас кракен сожрал, стоило мою команду денек поддержать в клетушке, как они уже видят в каждой тени демонов. Корабль хорош. Двадцать шесть пушек — всего на четыре меньше, чем на “Каракатице”. Осадка мелкая. Пустой. Паруса в порядке, полностью готов к отходу. Подарок морского бога. Чего вам еще надо, селедкины дети?

— Ты просто недавно на борту, кэптен, вот и не чувствуешь. А останешься подольше...

— Джок, я бы рад послушать бабкины сказки, но времени у нас в обрез. А воевать с гарнизоном у меня сейчас нет никакого желания — все наверх, поднимаем якорь...

Дороти хотела сказать, что ей тоже не нравится бригантина и она полностью на стороне команды, но открыть рот не смогла. На плечи легла свинцовая тяжелая подушка, голова сразу показалась пудовой гирей, и она стала медленно клониться вперед.

— Кэптен, глядите, с девкой-то... неладно.

Вокруг разом все взорвалось движением, мелькнуло уже очищенное от крови лезвие палаша и с хрустом опустилось на источник мерцания, а потом Дороти прилетела такая оплеуха, что зазвенело разом в обоих ушах. Зато пленка ма-

рева, в котором она тонула, лопнула разом.

Дороти неловко упала и ударилась плечом о доски. Мир снова мигнул, крутанулся и наконец обрел четкость, но почему-то начал трястись. И только спустя несколько секунд она сообразила, что это не мир, а Черный Пес сильно раз за разом встряхивает ее, ухватив за одежду, и зовет очень громко:

– Мэм! Вильямс! Очнись, дери тебя все святые по очереди! Джок, найди на этой лоханке выпивку и покрепче. И тащи сюда, только хлебни, перед тем как тащить – а то отраву принесешь...

– Где матрос? – Дороти перехватила Морено за запястья и прекратила встряхивания, от которых и так затуманенная голова ныла еще больше. – И штука, мерцающая...

– Какой матрос? Какая штука? – Черный Пес уставился на нее единственным глазом с таким незамутненным беспокойством, что Дороти поняла – дело нечисто.

Миражи в океане были вещью обыденной, водная гладь шутила с глазами и оптикой как могла, но одно дело, когда тебе в облаках видится берег несуществующей земли, и совсем другое – когда твоя галлюцинация имеет две ноги, мерзкую морду и ворох игральных карт, от которых...

– Когда я спустилась сюда, я видела человека. У него было странное лицо – доброе, как у деревенского дурака. Он сидел тут, нес вахту...

– Кэптен, с тех пор, как нас тут заперли, сюда не спуска-

лась ни единая живая душа. Крысы – да, бегали, но на двух ногах никто не приходил, – проговорил Джок, смотря на Дороти как на сумасшедшую. – Она спустилась, потом вместо того, чтобы открыть запоры – вот, у клетки смяла край. Мне пару фраз сказала и в угол уставилась, а потом ты, кэптен, этот угол рубанул – по чистому воздуху...

Дороти встала, пошатываясь, и осмотрелась. Никакого матроса, разумеется, в трюме не было, как и мерцающего кубика и выпавших из рук игральных карт. Да и между тем трюмом, из видения, и этим были явные отличия – доски темнее, нет сваленных в углу тюков с товаром, клетка, в которой сидели люди Морено, на три фута ниже той, которая мерещилась.

– Мне чего-то показалось, какой-то отсвет, вот и рубанул, – Морено задумчиво потер щетину. – И вроде как оно сработало. Но погоди-ка, Джок, я тоже видел охранника – когда заглянул сюда мельком...

– Кэптен, я на крови клянусь, что тут никого не было. И остальные тоже подтвердят.

Команда “Каракатицы” согласно загомонила, а потом разом утихла, соображая – дело точно нечисто.

Морено огляделся, точно попавший в западню волк:

– Мэм, боюсь, нам придется срочно покинуть этот гостеприимный борт. Рвем когти, а ну пошли! На пирс!

Никого спрашивать дважды не пришлось, пираты споро рванули вверх по лестнице. Дороти, которую все еще поша-

тывало, сделала шаг, другой и сразу ощутила, что ее подхватили под руку и волокут.

– Давай, Вильямс, шевелись. Понимаю, что тебе досталось, а вы, благородные, к такому непривычны, но оставаться здесь – хуже не придумаешь. Уж лучше гарнизон форта и старая добрая стрельба, чем гребцами у морского дьявола, а тут точно без него не обошлось.

– Я стараюсь, – кивнула Дороти.

И она действительно старалась, но от былой силы, которая внезапно пришла к ней когда-то даром богов, сейчас не осталось и следа. Словно видение высосало ее всю, ничего не оставив, даже малости. Ноги слушались с трудом, а руки весили точно пушечные ядра.

Мир вокруг опять потерял четкость и поплыл.

– Морено, мне опять мерещится. Корабль...

– Двоим одновременно не мерещится. Вот же дерьмо!

– Морено, придержи язык...

– Кракен тебя сожри, ты и на том свете останешься такой же занудой, мэм? – Морено выдохнул, отпустил руку Дороти и внезапно подхватил ее поперек пояса, закинул себе на плечо, точно мешок с мукой, и рванул по лестнице вверх, прочь из проклятого трюма, который с такой легкостью превратился в ловушку.

На палубу, под проливной дождь, он Дороти буквально выпихнул и сам свалился рядом, кашляя, пробормотал:

– Проклятье! – и вновь закинул на плечо.

Команда “Каракатицы” уже вовсю спускалась с борта – кто по канату, кто по якорной цепи, кто просто прыгал сразу в воду, плюнув на обилие дежуривших рядом с пирсом акул – призраки пугали куда больше острых зубов.

От свежего воздуха в голове у Дороти прояснилось, и она почувствовала, что дурнота и тяжесть отступают, будто самым важным лечением было увеличить расстояние от проклятого трюма.

Она уже хотела крикнуть Морено, чтобы тот ее отпустил, но тут доски под ногами у него накренились и поехали в сторону.

Бригантина, словно по команде, легла правым бортом, подчиняясь невидимому рулевому, и оттолкнулась от причала. Прямо как была – с убранными парусами и опущенным якорем.

Штурвал крутанулся, сделав полный оборот, потом второй. Якорная цепь лопнула со свистом и истаяла прямо в воздухе, канаты, удерживающие такелаж, вдруг потемнели, набухли, будто давно прогнили. И лопнули, освобождая паруса, от которых, как теперь стало ясно, остались лишь серые лохмотья, словно ошметки гигантской паутины.

Флаг на главной мачте размотался, больше не сдерживаемый ничем. На нем бледный, как нарисованный плесенью, буревестник расправил крылья.

Морено покачнулся, не выдержал крена и двойного веса, и они упали на доски, разом ставшие скользкими и прямо на

глазах оброставшие темными кучами водорослей и белыми язвами кораллов.

За бортом заорали, где-то взвыло, загудело водоворотом – тем самым, жутким, услышать который означало верную гибель, и бригантина, сбросив морок и приняв истинное обличие, начала отходить от пирса.

Бортовые фонари стали синими и мутными, засияли огнями глубоководных рыб, а штурвал с четким стуком, который с легкостью перекрыл рев воды, внезапно встал на упор.

Дороти попыталась подняться и с радостью поняла, что получилось – руки и ноги снова слушались, а голова соображала, хоть и не так ясно. Но главное – прежняя сила вернулась.

– Надо уходить! – сквозь ураганный рев водоворота крикнула она Морено. – Я уже в порядке!

Тот, пошатываясь, тоже поднялся на ноги и заворуженно огляделся. Увидел, как с левого борта от них удаляется причал, на который уже вылезала потрепанная команда “Карака-тицы”, и в его единственном глазе зажглось нехорошее пламя.

– Дьявол меня побери, корабль-призрак! Увидел-таки... Поймал. Вот удача! Он же должен быть здесь... Надо найти, мы успеем.

– Морено, уходим, он несет нас прямо в воронку! Из водоворота живыми не возвращаются.

– К черту водоворот! К черту все! Как я сразу не понял?

Здесь должно быть одно из Сердец Океана. Надо его найти! Успеем! – Морено как рехнулся: вскочил на ноги, заозирался, будто действительно собирался сейчас обыскивать призрачную бригадину от трюмов и до верхней палубы.

– Морено, тебя по голове не били? Какого дьяво... Сейчас не время. Падать в водоворот даже на призраке – чистая гибель! – Дороти приходилось орать, чтобы перекрыть рев воды.

– Но те, кто на нем, – проорал Черный Пес в ответ, – они ведь как-то выживали! Значит, в бездне можно дышать... Я должен его найти!

Дороти поняла, спорить бесполезно, но сила теперь была на ее стороне, и она решила проблему проще: схватила Черного Пса за плечи и поволокла к носу бригадины. Дальше от пучины, ближе к причалу.

Ноги скользили по гнилым доскам, палуба кренилась, но Дороти каким-то чудом, три раза проскользив и один раз даже кувыркнувшись, оказалась у самого носа, который теперь украшала огромная фигура буревестника – такого же угловатого, как и на флаге. Только объемного и бледного как смерть.

И Морено Дороти по дороге не потеряла, хотя соблазн был. Правда, пользы тот сейчас не приносил – всеми силами старался разжать хватку и твердил как умалишенный про какое-то сердце.

Дороти поняла, с таким сопротивляющимся грузом она

и себя не спасет, и Морено не вытащит, потому поступила с пиратом так же, как тот с ней – отвесила затрещину. Но вопли. От полноценного удара командора Вильямс разваливалось бревно из трехсотлетнего дуба, что уж тут говорить о голове какого-то пирата!

Морено обмяк, Дороти подхватила схватила его в охапку и, сильно оттолкнувшись от скользкого борта, прыгнула в бурлящую темную воду.

Краем глаза она успела заметить, как носовая фигура, ожив, бьет крыльями и пытается достать их клювом, но промахивается.

Они упали в ледяную воду, разом уходя на глубину.

Сквозь зеленую толщу соленой воды Дороти увидела, как яростно кричит мертвенно-светящийся буревестник, запрокидывая голову.

На поросших ракушками мачтах наполнились грозовым ветром рваные паруса.

Над головой скользнуло тенью днище с пробоиной такой величины, что нормальное судно давно бы с такой затонуло.

А потом стало четко видно, как, свесившись с борта, кого-то высматривает та самая дебелая рыжая охранница, только глаза у нее теперь не глаза, а белые покойницкие бельма. А рядом с ней недобро кривится тот самый чернокожий – словно Дороти и не ломала ему шеи, и не сдергивала с него ожерелья из моряцких серег.

Снизу кольнуло холодом сильнее, и Дороти поняла – они

опустились слишком глубоко. Хотя какое глубоко может быть тут, у Йотингтонских пирсов? Еще неделю назад кто-то из торговцев сел брюхом, еле стащили.

Опять чертовщина! Дороти рванулась на поверхность, крепко держа так и не очнувшегося Черного Пса за плечо и пояс.

Стоило только вынырнуть и проморгаться от попавшей в глаза соли, как стало ясно – все закончилось. На поверхности по-прежнему лил сильный дождь, по небу неслись лохматые, почти невидимые облака. Позади еле угадывался причал – и то скорее по тому, что мелькали огни факелов. Спереди бушевал океан.

И ни следа от призрачной бригаантины. Ни щепки. Ни обрывка каната.

Вильямс выдохнула сквозь зубы такие слова, которые обычно приличные девушки не говорят, и, перехватив все еще не пришедшего в себя Морено за ворот, поплыла к берегу.

А то глупо: спастись из такой передраги и угодить на ужин к прибрежным акулам.

Глава 6. Клятва

Когда команда “Каракатицы” вытащила их на пирс, над океаном уже появилась светло-серая полоска.

Открытая вода была пуста до самого горизонта. Призрачная бригантина растаяла, точно и не было – ни ее, ни жуткой команды, ни странного плена.

Дороти откашливалась и терла покрасневшие от соли глаза. Черный Пес, сгорбившись, сидел рядом и походил на мокрую ворону, да и мрачен был сверх всякой меры.

– Надо уходить в джунгли, в самую глубину. Оттуда напрямиком в бухту Чагос. Там найдем лодки – контрабанда нужна всем. Через четверть склянки в форте смена караула. Еще чудо, что ваше исчезновение пока не заметили, – Саммерс успел где-то раздобыть бутылку теплого бренди и теперь пытался ее всучить своему капитану. – Уходить надо.

– Завел шарманку – “уходить”... Мы-то уйдем, за наши облезлые шкуры в ратуше уже получили проклятое золото с корабля-призрака. Да не одни уйдем, а с нашей воинственной мэм. А ее будут искать. Назначат награду за голову – в тыщу дукатов. Кто устоит? Евонная команда – не наша, продались крабы гнилые – никто мстить за свою капитаншу не станет и болтуну язык не отрежет, – буркнули сзади.

– Слухи как черная оспа. Приходят с ветром. Скажем, что мы теперь за блондинистую капитаншу в ответе, и все набе-

рут в рты океан, – отмахнулся боцман и встревоженно посмотрел на своего капитана.

Тот сидел молча, и только дергающаяся щека выдавала крайнюю степень ярости, в которой он пребывал. Дороти причины злости были понятны, но не ясна ее степень. Да, они столкнулись с чем-то, что человеческий разум постичь не в силах. Но во-первых, выбрались живыми и вывели команду, во-вторых, немало насолили призракам. С чего так беситься, точно они не с проклятого борта сбежали, а их из губернаторской гостиной выгнали?

Но тут перед глазами Дороти мелькнула колода, которую держали морщинистые, изъеденные солью пальцы, и кровь сразу бросилась к щекам. Приходилось признать – призраки тоже немало знали о командоре Вильямс. И лучше бы им это знание забрать с собой в пучину.

А сейчас, сейчас было нужно иное.

– Нам нужна “Свобода”, – неожиданно для себя сказала Дороти. – Мы можем ее взять сегодня.

– Ты о чем, мэм? – Черный Пес словно очнулся от своего сумрачного состояния и посмотрел устало. Ночь ему далась нелегко – под глазами залегли тени, на разбитой губе запеклась корка крови, а в разрезе рубахи пряталась тонкая красная линия – след от удара ножа. – Какая свобода?

– Моя. И я знаю, как ее взять. Только вот беда – на ней не хватает одной существенной детали.

– Какой? – Морено, кажется, начал понимать, о чем идет

речь, и подобрался, как ягуар перед прыжком.

– Команды. Потому что капитан у “Свободы” уже есть. И он не сменится.

– Те хлыщи из ратуши думают по-другому. Но я понял твою мысль, мэм. Не могу понять другого. С чего ты взяла, что мы – пена морей, дно дна – не нарушим слова и не протянем тебя под килем, как только окажемся в пяти милях от берега? Или не развлечемся как десяток мужиков с одной прекрасной мэм – каждый по очереди. А дальше уже с чистой совестью догоним “Каракатицу”, и станет у Черного Пса Морено два корабля вместо одного, а прекрасная мэм будет или кормить рыб, или обслуживать матросню в борделе.

– А вот это уже твоя задача – сделать так, чтобы я тебе поверила до такой степени, что помогла угнать корабль флота Его Величества и позволила на нем служить.

– Мы никому не служим. Кроме своего кармана, – отрезал Морено.

– Джунгли начинаются там, – гостеприимно указала Вильямс. – Насчет меня не волнуйтесь, свобода удивительно многогранна.

Она блефовала. Отчаянно. На грани. Потому что, признаться, вариантов у нее было с мышиный хвост. Либо джунгли, в которых она проживет до следующей ночи, если повезет, либо квартира кого-то из горожан, которые спрячут ее ровно до того момента, когда поймут, что денег у нее нет, а телом за постой она платить не станет. Но и идти на соб-

ственный корабль поварихой или шлюхой она не собиралась, а именно такой расклад светил, если не принять меры.

Даже если Морено наскребет на дне своей черной души немного благородства и не сразу пустит Дороти по кругу, то командовать все рано не даст, а еще скорее – обменяет на материке у туземцев на золото. Они дорого дают за алантйских женщин.

– Мы можем подписать бумагу, контракт о том, что леди Дороти Вильямс – наш капитан ровно до момента, как мы вернем себе корабль.

– Пиратские бумаги ценятся тут примерно как пиратские обещания. Я хочу гарантий.

– При твоей запредельной силище ты за пять минут передушишь нас как курей, а потом сядешь пить кофе. Какие гарантии еще тебе нужны?

– Не передую, если ночью накинуть мне на шею удавку. Я человек. И нуждаюсь в отдыхе, сне, еде. Нормальном сне, без пистолета под подушкой. Поэтому еще раз, Морено, я хочу стопроцентной гарантии того, что вы – ты и твоя команда – сдержите слово. И ты знаешь, о чем я.

Морено посидел, подумал, с досадой цокнул языком и выдавил, точно через силу:

– Ошейник Черной Ма.

Дороти сначала удивленно приподняла бровь, но вовремя остановила себя и кивнула. Хотя, признаться, такого не ожидала. Думала сторговаться на военном контракте, который

подписывался на год, только с изменениями. Но если Море-но готов пойти на ошейник – то Вильямс не идиотка с таким спорить.

Суеверность моряков была бесконечным источником шуток и насмешек на суше, но почему-то стоило сухопутным ступить на корабельные доски и пережить первый слабенький шторм, как они начинали неистово молиться кому угодно, лишь бы сойти на берег невредимыми. Приметы, традиции, обряды – все множилось и цвело на всех кораблях. И никто из капитанов даже не думал этому воспрепятствовать. Вернее, те, кто пытался, долго небо не коптили.

Вильямс за годы службы лично знавала троих офицеров и одного жреца, которые попытались побороть морские суеверия силком. Запрещали жертвенные обряды, отнимали амулеты, отбирали резных божков. Первого размолотило между бортом и причалом, второму отдалило ноги пушкой, сорвавшейся с лафета, третьему размозжило голову при погрузке тюков в трюм. Жрец повесился сам, на собственной рясе – перед этим ему три дня слышались голоса. Больше никто не рисковал связываться с верой в Морского дьявола, Ужас пучин, Тень кита или Черную Ма. Последняя была самым загадочным, сильным, но, надо отдать должное, справедливым божеством. Хоть и чудовищным, как и все остальные.

Ошейник Черной Ма или клятва на крови считалась самой серьезной из всех клятв. Вильямс подозревала, что, положив руку на святую книгу, из ста моряков солгут сто, а вот

дав слово Черной Ма – вся сотня будет это слово держать. Потому что Ма лгунов не любила и карала быстро, страшно и безжалостно.

Черный Пес поднялся с досок причала, взял у кого-то из команды наточенную бритву и прижал ее к раскрытой левой ладони.

– Даю слово Черного Пса Морено, что пока я не ступлю на палубу “Каракатицы”, командор Дороти Вильямс – мой капитан. Мой и моих людей. Клянусь не злоумышлять против нее ни напрямую, ни косвенно. Не причинять ей вреда ни своими руками, ни чужими. Служить на совесть и выполнять то, что должно моряку. Тому порукой моя кровь, отданная по доброй воле Черной Ма сегодня и сейчас.

Стоило Морено убрать бритву, а темным в сумрачной предрассветной дымке каплям крови упасть на пирс, как в пучине что-то вздрогнуло, вздохнуло – на самой грани слуха. Черная Ма взяла кровь и клятву.

Команда “Каракатицы”, передавая лезвие из рук в руки, повторяла слова своего кэптена, бывшего кэптена, и на каждый новый порез океан отвечал вздохом глубин. Возможно, ученый астроном, лучший друг Дороти в Йотингтоне, сказал бы, что это отголоски подвижек земной коры, но в такие совпадения она не верила. Ей клялись и верили в эту клятву.

Теперь можно было забирать “Свободу”, не опасаясь, что кто-то из этих головорезов ударит в спину. Потому что теперь это были ее головорезы. Дороти приняла решение и

протянула руку за бритвой.

– Тебе не нужно... командор, – с усмешкой отозвался Морено. Значит, издевательское «мэм» осталось в прошлом.

Видимо, сказать “капитан” язык у него все-таки не поворачивался, несмотря на клятву. Впрочем, желания придираться не возникало – Черный Пес и так наступил на горло своей гордости, второй раз за ночь.

– Мне – нужно, – отмела всякие возражения Дороти, прижала бритву к ладони, ближе к большому пальцу, чтобы порез потом не мешал, и почувствовала, как легко расходится под лезвием кожа. – Я, Дороти Вильямс, даю слово, что буду защищать команду своего корабля от любых опасностей, будь они земные или нет. И делать для защиты все, что в моих силах. Быть справедливой и не требовать сверх того, что мне могут дать. Пусть Черная Ма услышит и возьмет мое слово.

Вал ударил в быки пирса, и на секунду океан замер гладью, точно они попали в око бури. Если на пиратские клятвы отзывалась пучина, то клятву Вильямс приняли и подтвердили волны. Впрочем, после призрачной бригантины любая чертовщина этой ночью казалась логичной.

– И где пришвартована твоя “Свобода”, командор? – Морено достал из кармана платок и повязал его на голову. – Надеюсь, не на причале святого Джона?

Дороти поморщилась – запасной причал находился в трех часах ходьбы от города и был справедливо нелюбим всеми

капитанами за неудобство расположения и две линии рифов на входе.

– Наша “Свобода”, первый помощник Морено. Наша. У военного причала, ниже. Сразу за мысом, там бухта...

– Глубже, да, я знаю. Плавал. Уже светает, командор. Нужно торопиться.

– Согласна.

Йотингтонский порт пока спал – рыбацкие легкие шхуны, которые выходили на лов еще до рассвета, сегодня остались на месте – слишком высока была для них волна, да и дождь, зарядивший с ночи, никак не унимался.

Дорога до военных причалов лежала вверх от города, петлей охватывала выступающий мыс, а потом скатывалась вниз, минуя мангровые заросли, к скалистому берегу бухты. Сейчас кроме “Свободы” там стояли еще три судна – два линейных военных корабля “Кронпринц Август” и “Вирджиния” и грузовой купец, привезший в Йотингтон месячный запас пороха и пуль для форта и флота.

До причалов пришлось почти бежать, чтобы опередить встающее солнце – угонять “Свободу” при свете дня было уже непосильной задачей. Команда “Вирджинии”, включая пехотную часть, которой командовал майор Тиллетт, была уже на борту – готовились днем выйти в рейд к соседнему острову. Поэтому действовать предстояло тихо, осторожно, но очень нагло.

На причале было пустынно, только у дальнего склада под

навесом мелькал красный светлячок – там у чадающих дымом углей мирно спали часовые. Из ее, Дороти, команды.

“Свобода” покачивалась на волнах. Сходни были подняты, а бортовые фонари потушены. Или, скорее, погасли по недосмотру.

Дороти взяла с собой Морено и Саммерса и пошла в обход склада. Часовых следовало убрать: беззвучно отойти от пирса такая махина как “Свобода” точно не могла. Значит, они успеют поднять тревогу. А у нее всего двадцать один человек против почти трех сотен на “Вирджинии” и тысячи в казармах острова. Чистое самоубийство.

Морено осторожно заглянул за угол, полюбовался на спящих и сразу спрятался под прикрытие бревенчатой стены.

– Наши храбрые воины, – чуть слышно усмехнулся Морено. – Бдительны, как всегда.

– Эти храбрые воины взяли на abordаж твою “Каракатицу”...

– Не смей селедок, командор. Нас взяла ты, вот этими руками, – Морено неожиданно провел горячими пальцами по запястью Дороти и сразу отодвинулся – точно и не было ничего. – А они... только смотрели. Знаешь, в борделях есть такие, которые любят смотреть, командор. Сейчас и ты посмотришь. Джок?

– Сейчас сделаю, – глухо откликнулся боцман и шагнул за угол.

Дороти даже не успела рта открыть, чтобы приказать Сам-

мерсу не убивать – тот подошел со спины, схватил обоих часовых в медвежьи объятия, сделал короткое резкое движение, раздался хруст, и боцман осторожно опустил на землю тела.

– Какого дьявола, Морено?! Я не приказывала вам их убивать! Это были мои люди! – Дороти в ярости схватила Морено за рубашку и почти впечатала его в стену склада, прихватив за шею.

– Так отдавайте приказы живее, моя прекрасная командор! – прошипел тот в ответ, делая короткие вдохи между словами. – Последнюю неделю я только и делаю, что уворачиваюсь от пеньковой старушки, и ошейник Черной Ма мне тоже не в радость. Командор молчит – мы действуем как привыкли.

– Кэптен, командор, – Саммерс, возникший из-за угла, прервал их спор. – Все тихо, можно...

– Убивать нужно только если нет другого выхода. Ты мог их просто оглушить!

– Опасно, командор. От них не пахло вином, просто дремали. Могли успеть закричать, – спокойно и чуть удивленно ответил Саммерс, но все-таки отошел за спину Морено. Спрятался.

– Ну и порядки, – скорее сама себе, чем им, пожаловалась Дороти, а потом приказала: – Морено, на тебе левый борт. Там должно быть около десяти человек. Нет, не надо никого резать, просто останься там для страховки, если кому-то

из них удастся ускользнуть от меня – разберешься. Шестерых расставь у складов. Остальных отправь на купеческий корабль. Там пусто. Пусть собьют замки с трюма и возьмут порох и ядра – “Свобода” поиздержалась в последнем походе, а мой приказ пополнить запасы вряд ли успели выполнить.

Прошло все на удивление легко – видимо, судьба благоволила им после испытаний с призрачной бригаантиной. Дороти сама разобралась с шестерыми своими моряками, которые дежурили на корабле. И даже успела уточнить у них курс и состав нынешней команды “Каракатицы”. Все как ожидалось – половина офицеров, треть матросов. И Филлипс с пехотой.

Непонятно одно – какого черта она, леди, терпела у себя за спиной гадючье кубло?

Связав охранников вместе, осторожно спустила на пристань и заперла в одном из пустующих сараев, предварительно крепко замотав им рты. Когда она вернулась, Морено и команда уже вовсю ставили паруса. Порох был загружен в трюмы, и даже с избытком – пираты что чайки, стоило им дотянуться до бесплатного добра, как теряли меру.

Дороти прошла в свою каюту, сняла со спинки кресла капитанский китель, покрутила в руках и положила на место. При такой команде надевать королевскую форму – только позорить мундир. Еще успеется. В остальном в каюте все было на своих местах – святые отцы с обыском сюда добраться не успели, а матросы, видимо, решили, что торопиться неку-

да и обыскивать каюту покойницы куда надежнее и спокойней.

Позади раздался шорох, и в дверях возник Морено. Он тоже успел переодеться, найдя себе среди вещей на корабле приличную черную рубашку и такие же штаны. Правда, подвязал их бордовым поясом, в котором Дороти опознала наградную ленту одного из своих офицеров.

– Все готово, командор, – доложил Морено. – Прикажешь отходить?

Дороти коротко кивнула и поднялась вслед за бывшим пиратским капитаном на верхнюю палубу, к штурвалу, за которым уже стоял один из людей с “Каракатицы”.

– Фиши – рулевой от бога, – поделился Морено. – Когда все стояли в очереди за мозгами и силой, он своровал из карманов богов умение видеть сквозь воду. Так что рифы нам не страшны.

Дороти коротко кивнула, одобряя, и дала сигнал к отплытию. На корабле разом все пришло в движение: не распуская парусов, “Свобода” подняла якорь, почти бесшумно отошла от причала и развернулась носом в сторону узкой горловины бухты.

– На выходе цепь, она поднята, – припомнила Дороти. – Надо опустить. Охрана – один часовой.

Морено выругался, коротко свистнул кого-то из своих людей, пролаял шепотом приказ. Прибежавший на свист тонкий как стрела иверец кивнул и угрем скользнул за борт.

– Мигель сделает. Он быстрый.

Мигель действительно оказался быстрым – точно барракуда, он бесшумно подплыл к берегу, зацепился за камень, подтянулся и скрылся между скал.

Механизм, запирающий бухты от непредвиденных гостей, был прост и гениален – на огромные зубчатые колеса, установленные прямо в скалах, с двух сторон узкого прохода наматывалась тяжеленная цепь, увешанная десятифутовыми железными чушками. И в поднятом состоянии она вполне могла проломить даже высокий укрепленный борт линейного корабля.

Раздался короткий всплеск – это упало в воду тело часового, ему перерезали горло. Тут Дороти промолчала, хотя сердце кольнуло, но уйти тихо было куда важнее, чем проявлять милосердие. Цепь почти бесшумно стала опускаться.

– Отплываем? – уточнил Морено. – Мигеля подберем на той стороне.

– Да.

Сквозь горловину бухты они проскочили без проблем. Стоило им миновать скалу, как цепь очень быстро поднялась обратно. Мигель был умницей – давал им лишние минуты, которые умения экипажа и скорость “Свободы” превратят в целые часы форы.

– Ушли, – тихо сама себе сказала Дороти и окликнула Морено, тот как раз отдал все приказания и теперь собирался спуститься на орудийную палубу. – Я составлю тебе компа-

нию.

Морено как-то неловко кивнул и отошел от двери, пропуская ее вперед.

– Меня не оставляет мысль про те порченные пушки, – продолжила Дороти, задумчиво опершись на косяк. – Помнишь, ты сказал, что на суде мне это вменяли в вину. Может, не лгали.

– Давай проверим, – Морено кивнул на лестницу. – Я слабо верю в твои возможности сглазить две тонны отборного алантийского чугуна, будь ты хоть трижды ведьма.

– Думаю, это третье бортовое...

Договорить Дороти не дали, гулкий взрыв сотряс окрестные скалы, на мгновение лишив всех слуха. Осыпь, зародившаяся на самой верхушке мыса, быстро обросла валунами, и мимо борта просвистел уже целый камнепад.

– Какого дьявола! – Дороти метнулась к корме и остолбенела – у причалов на воде догорали остатки взорвавшегося кофа.

Осталось там немного – слишком велик был груз пороха, плюс взорвался его собственный арсенал. Рядом вовсю полыхала “Вирджиния” – по ней в отвесах пожара носились маленькие темные фигурки в тщетной попытке потушить пламя. Напрасно. За считанные мгновения огонь подобрался к пороховому погребу, и окрестности оглушило вторым взрывом, не таким сильным, но фатальным для “Вирджинии”. Линейного красавца буквально разорвало пополам.

Потом вспыхнули пирсы.

Дороти, потеряв дар речи, обернулась и посмотрела на Черного Пса. Тот мрачно глянул в ответ, задрал голову, давая понять, что ни сожалений, ни извинений не будет, и скрылся за дверью.

Раздался третий взрыв. Это сдетонировали спрятанные под пирсом мешки с порохом. Сарай, где она заперла горе-охранников, был как раз над ними.

“Кронпринц Август” пытался скрыться от настигающего пламени. Ему было не до уходивших проливом беглецов. Тут самому бы спастись от падающих огненными птицами на палубы горящих досок и обрывков парусины. Но для разворота требовалось время, а корабль – не телега.

Внезапно ударивший гром добавил картине inferнальности, а вспышка гигантской молнии на мгновение ослепила.

Дороти прикусила губу и отвернулась. Ее люди, бывшие сослуживцы, подчиненные, а самое главное – корабли... Прекрасные суда канули в небытие только потому, что губернатор, проворовавшись, решил отправить ее на костер. А она взяла не ту клятву и не с тех парней. Взаимосвязь. Цепная реакция. Как сейчас на пирсе.

Позади раздался еще один взрыв – и “Кронпринц Август” перестал существовать.

Невосполнимая потеря для флота Его Величества.

Иметь под своим началом Черного Пса оказалось все рав-

но что сидеть на бочке с порохом. Нет, черт побери, на целом пороховом погребе. А ведь от клятвы Черной Ма до взрыва на “Вирджинии” не прошло и часа.

Дороти, усилием воли обуздав рвущуюся из груди ярость, отошла от кормы, кивнула взобравшемуся на борт довольно-мугу Мигелю и пошла на орудийную палубу.

Охота за “Каракатицей” началась совсем не так, как командор Дороти Вильямс рассчитывала.

Глава 7. Первый помощник Морено

– ...И выполнять каждый приказ неукоснительно, исходя из обстановки и ситуации.

Дороти внимательно осмотрела выстроившуюся перед ней команду. Ну как выстроившуюся. Стоящую, скорее. Черный Пес так и вовсе сидел на ступенях, ведущих на вторую палубу, и смотрел на нее, наклонив голову. То ли восхищался, то ли издевался. А может, и то, и другое вместе.

– Вы мне поклялись, и я надеюсь, что мы достигнем полного взаимопонимания. Иначе приказы, отданные мной, будут вести не к “Каракатице”, а как можно дальше от нее. И закончится это плохо. Для всех.

Дороти Вильямс завершила свою речь, на составление которой потратила всю ночь.

После того, что команда Черного Пса устроила в порту, она справедливо посчитала: руки у нее развязаны, и если ее вынужденные союзники играют грязно, то она тоже так может. И вспомнила все, что нудел на уроках юриспруденции дряхлый как черепаха лектор. Оказалось, что идеальная память и тут сработала, помогая соорудить из обычного флотского устава нечто, полное казуистики и ловушек. Пара слов клятвы – “служить на совесть” – стали основой и теперь гото-

вы были здорово испортить жизнь новоиспеченной команде. Суть состояла в том, что Дороти сейчас озвучила громоздкий, включающий в себя все приказ, который отнимал у людей Морено возможность делать то, что хотят они, а не то, что приказывает им она. И после того, как приказ был произнесен вслух, клятва Черной Ма становилась из ошейника свободного и бархатного строгой цепью с шипами вовнутрь.

Во избежание же излишнего рвения и нарочитого уточнения, когда матрос перед каждым действием обращался к капитану с вопросом – о, знакомый спектакль, как же они доставали этим в Академии нелюбимых учителей, – Дороти включила в речь ссылки на флотский устав, который везде был одинаков. Похоже, подстеленная под сидалище подушка оказалась не лишней.

– Какие-то вопросы по изложенному? – Дороти подняла бровь и внимательно осмотрела строй в поисках тех, кому что-то непонятно. – Я готова разъяснить и повторить еще раз.

Судя по недовольному сопению, еще двадцать минут нотаций команда не хотела. И рыбам понятно, что командор Вильямс для них – не капитан, а навязанная судьбой спутница, но теперь они будут вынуждены терпеть ее в полной мере, а не превращать в “мэм”, как это было сделано на пирсе.

– У меня есть вопросы, но я хотел бы задать их наедине. – Черный Пес лениво поднялся со ступени, выбил труб-

ку в мокрую тряпицу и неожиданно рывкнул на команду: – В уши воды залило? Не слышали командора Вильямс? А ну за работу, сукины дети. Чтоб борт блестел. До вас тут служили ленивые ослиные задницы, а это заразно. Фиши, пока мы стоим в шхерах, ты без дела – проверь остальные орудия. Саммерс – провести полный досмотр судна. Переписать что есть и доложить к утру командору. Остальным привести тут все в порядок, привычный нам. Кроме оружейной палубы – когда дойдете до нее, спросите у командора указаний. Все, с глаз моих!..

– Какой из вас шикарный вышел боцман! Куда там Саммерсу, – подколола Дороти.

– Благодарствую, из меня и капитан вышел недурной, – усмехнулся Морено. – Так мы можем поговорить сейчас?

В собственной каюте Дороти чувствовала себя куда спокойнее, чем в компании команды, да и понятно, что от разговора двум капитанам – действующему и отстраненному – никуда не деться.

– Нальешь? – неожиданно мирно спросил Морено и уселся в одно из двух кресел у низкого восточного столика. – Или ты теперь не пьешь с подчиненными?

– Почему. И пью. И с подчиненными тоже. Не изображай жертвенную овцу, ты сам понимаешь, что заставил меня пойти на подобные меры.

Дороти откупорила бутылку вина с континента, разлила по бокалам из толстого стекла и поставила на влажную ска-

терть. Надо отметить, что тот, кто отвечал за порядок в капитанской каюте, свое дело знал: посуда блестела, нигде не было ни пылинки. При этом уборку явно сделали до того, как Дороти выдала свою проникновенную речь. И теперь она подозревал, что даже знает кто.

Хотя вроде бы по должности первому помощнику таких обязанностей не вменялось. Скорее всего, тот не хотел допускать сюда других, не полагаясь на их благоразумие.

– Сегодня мы были как святые мученики. Привели борт в шхеры и слушались прекрасную командора аки овцы пастыря, – Морено попробовал вино, поморщился – вкус был резковат, да и сладость казалась чрезмерной.

– Да, потому что все, что могли, вы испортили ночью. Мы испортили, – поправилась Дороти.

Потому что как ни выкручивай, она виновата в той же мере, как и команда, подпалившая фитили.

– Ты знаешь, – серьезно и с нажимом произнес Морено, – знаешь, что они пошли бы за нами... И возможно – догнали.

– “Свобода” быстроходна. “Дева” была тяжелее, а на “его высочество” нагрузили тюки с кофе. Осадка, – устало объяснила Дороти, чисто по привычке используя корабельные клички, а не названия. – Так что догонять нас было некому.

– Первый помощник имеет право согласно уставу указывать командору на ошибки? – прищурившись, спросил Морено.

– Согласно уставу первый помощник имеет право на все,

кроме того, чтобы пытаться обдурить своего капитана.

– Тогда смотри, – Морено склонился над столом и рассеянно выстроил из солонки, перечницы и колец для салфеток подобие военной диспозиции. – Ты знаешь свой борт, без трепежа, но не учла одно – мы “Свободу” не знаем. Я когда по своей “Каракатице” хожу – я пятками каждую доску чувствую: где что не так, где какой трос скрипит не так, как обычно, где фонарь криво повесили или линь не закрепили. А тут – все чужое. Не поверишь, с утра я час потратил на то, чтобы понять – какие из пушек порченые.

– По левому борту, вторая и четвертая.

– Вот, а ты только мимо прошла – уже поняла, где тухло. Чужой корабль как чужая жена – пока сообразишь, как на ней скакать, уже муж со службы вернется. А там, на линейных – все ученые, все знают. И я приказал перестраховаться: тем более такой подарок судьбы – порох для форта.

– Там были люди.

– Для тебя. Для нас они не люди, как мы для них. Впрочем, и для тебя тоже. Пираты, дно дна, – усмехнулся Морено. – Давно такого фарта не было, жаль только, что с удачей в прикупе ты идешь. Нас бы догнали и зажали с двух сторон. И “Свобода” при всех своих буферах с криворукой командой не срослась бы. Да, я так считаю и уверен в этом. Мы бы пошли на дно. Или обратно на виселицу. Так что хочешь кого-то наказывать – наказывай меня. Это было мое решение, а команда тут ни при чем. Им сказали – они сделали.

Дороти откинулась в кресле, немного подумала, послушала плеск волн о низкие скалы бухты, в которую зашла “Свобода”, и сказала:

– Ты боишься. Боишься Черной Ма. Боишься, что ошейник решит, будто вы нарушили слово.

Морено спорить не стал, облизал губы и залпом допил приторное вино.

– Верно, моя прекрасная. С уставом и порядком ты хорошо придумала – теперь не дернешься. Да оно нам и не надо – нам бы “Каракатицу” вернуть. Но причалы и фрегаты мы взорвали без твоего прямого приказа. И ты на нас злишься. И до сих пор в ярости, хоть и скрываешь. Черная Ма такие вещи чувствует – сутки-двое, и она ответит на твою злость. А я не хочу, чтоб мои люди пострадали.

– Что ты предлагаешь? – до Дороти дошло, что Черный Пес сейчас серьезен, насколько вообще может быть серьезен пират. – Из пепла корабля обратно не вернуть. Это были королевские корабли, и моя клятва как офицера...

– С этим как раз не сложно: перед тем как уйти в рейд, мы заглянем на архипелаг за водой и провизией. Трюмы-то у нас пусты. А уж там по самым грязным кабакам в двадцать ртов запустим сплетню о том, что взяли тебя в плен. Как заложницу. На нашу совесть сожженные корабли грузом не лягут – по нам и без того веревка плачет. Так что пусть для всех командор Дороти Вильямс будет пленницей Черного Пса. У сплетен быстрые ноги – за пять дней вся округа будет знать

про это. Так что после того, как твой драгоценный полковник Филлипс спляшет танец на мачте, репутация твоя будет чиста как храмовые простыни.

– Предположим, – Дороти осознала всю щедрость предложения и прищурилась. – А ошейник?

– Можно успокоить твою злость. Унять, накормить. Злишься-то ты на меня, верно?

Дороти кивнула, но молча, хотя уже понимала, к чему ведет Морено. Внутренний голос, переполненный мстительной желчью, очень хотел, чтобы Морено сказал все сам. Поэтому она просто вопросительно приподняла брови, предлагая продолжать.

Тут самообладание Морено дало трещину, и он оскалился – еще бы, такие танцы на собственной гордости не всякий выдержит, тем более вспыльчивый южанин.

– Ну значит, и наказывать будешь меня. Чужая боль свою злость хорошо лечит. Отведешь душу, может, и Черная Ма передумает, остынет.

Дороти продолжила молчать, точно размышляя. Хотя внутри уже решила и была согласна – ей тоже не хотелось хоронить кого-то из команды. Обратно из пепла кораблей не соберешь, верно. Но виновник должен быть наказан. Где-то под рубашкой стало внезапно жарко. И Дороти осознала, что, скорее всего, какой-то ее части – той, которая куда ближе к демоническим соблазнам – нравится мысль наказать Морено. И к справедливости и возмездию это “нравит-

ся” никак не относится.

Дороти поспешила запить сухость во рту вином. И снова промолчала. Настоящее наказание начинается не с удара, а с ожидания. Это она по себе знала.

До Морено дошло, что ему придется самому предлагать варианты, и кажется, это взбесило его больше всего остального. Взбесило и смутило одновременно. Он встал, нервно прошелся по каюте из угла в угол, зацепил ногой ковер, с трудом удержал равновесие, тихо выругался и наконец остановился у открытого иллюминатора, сцепил руки за спиной и спросил, не оборачиваясь:

– Как тебе больше понравится, командор? Можно при всех, на палубе. Можно тут. Кнут есть у Саммерса, он одолжит.

– Можно, конечно, и на палубе, – точно задумавшись, повторила Дороти, тут же ярко представив себе, какими глазами будет смотреть на нее команда, если с головы их обожаемого капитана упадет хотя бы волос. Еще помолчала, но потом решила, что хватит: довести Морено до бешенства, конечно, хотелось, но сейчас это было некстати. – Но полагаю, мы обойдемся моей каютой и обществом друг друга. Закрой иллюминатор. Не думаю, что у нас получится что-то скрыть от команды, но дверь в каюту мне еще дорога – а твои парни выставят ее на раз, стоит им услышать...

Морено захлопнул окно, закрыл латунную задвижку, чуть заметно выдохнул и возразил:

– Не услышат, но...

– Тогда здесь и сейчас, – кивнула ему Дороти, при этом не делая даже попытки встать из кресла. Наоборот, налила себе еще вина. Потом небрежно указала Морено на рубашку и сказала: – Лучше снять. Для полноты ощущений.

Морено, словно не верил, что она согласится, замер на секунду, постоял, перекатываясь с носка на пятку, точно решал что-то внутри себя, но потом вроде как решил, прищурился, но уже не нервно, а словно что-то задумал, и кивнул. И начал снимать рубашку.

До Дороти дошло, что в игру, которую она затеяла в ответ на в общем-то пристойный вариант решения их проблемы, могут играть двое. Вернее, уже играют.

Морено снимал рубашку не торопясь, но почему-то каждое движение точно отпечатывалось у Дороти в сознании. Вот алой змеей виток за витком на пол каюты упал пояс, зацепился за ручку кресла, да так и повис. Вот плотный черный хлопок соскользнул с широких плеч, целиком открыв четкие линии татуировки на груди. Теперь можно было рассмотреть, что щупальца тянулись друг к другу, но между ними всегда оставался короткий зазор, точно кольцо специально задумал не дать им сойтись. На мгновение захотелось коснуться рисунка, чтобы ощутить... Морской дьявол, да что с ней такое?

Дороти вспомнила, как когда-то давно ее спасала от крамольных мыслей молитва божественному свету, но поче-

му-то сейчас все слова забылись.

Морено скинул рубашку в пару к поясу, стянул сапоги и, разведя руки, медленно повернулся вокруг своей оси, показывая широченную спину, где у основания шеи зарождались осминожьи щупальца и, становясь толстыми петлями на лопатках, взбирались на ключицы. Сделал один оборот, второй и вновь встал спиной. Ожидая.

Меньше всего это было похоже на то, что он ждет наказания. Скорее, разом вспомнились те карты с картинками на бригантине. И пиковая масть на них.

Дороти почувствовала, как жжение под рубашкой начинает перерастать в нечто большее, и давать этому большему волю было смертельно опасно. Она отставила в сторону бокал, скинула мундир, чтобы рукава не стесняли движений. Потом открыла рундук, где как всегда в идеальном порядке лежали сложенными ее вещи. Вытянула из стопки старую ременную тисненую гербами перевязь для сабли, разжала и сняла с нее медные пряжки – калечить в ее планы точно не входило.

Было немного не по себе – потому что с ее силой она могла не рассчитать.

Захлопнула со стуком крышку рундука – Морено даже не вздрогнул и не обернулся – и тихо встала у него за спиной. Близко. Щекоча нервы.

Потом наклонилась чуть вперед и сказала:

– Здесь много вещей, и размах выйдет слабым. Я полагаю, что тебе лучше лечь.

– Прекрасная леди предлагает мне свою кровать? – голос у Морено был хриплым, точно он простыл.

– Временно. И да, я предпочитаю, чтобы моя команда называла меня “капитан”.

– Я учту, – ответил Морено и развернулся к Дороти лицом.

И вот тогда стало понятно, что зря она подошла так близко. Чертовски близко. Потому что в глазах у Черного Пса плескались не страх и не смущение, там, на дне, жило нечто другое – темное, цвета реки в глубине джунглей, и опасное, как аллигатор.

Видеть Морено, растянувшегося на ее, Дороти, кровати, было странно-приятно. Тот лег на живот, сложил руки под головой и спрятал лицо в сгибе локтя. То ли чтобы не смущать саму Дороти, то ли чтобы справиться с собственными чувствами. А то, что Морено сейчас очень нелегко, она прекрасно понимала, и это грело ей душу, как пиратам грели сердца взрывы на королевских кораблях.

Но все, что она сейчас испытывала, не должно было повлиять на главное – на силу удара. Потому что, соглашаясь на наказание, Черный Пес не учитывал, что Дороти может с одного удара кулаком убить быка. Для женщины необычное качество. Некоторые таланты лучше скрывать. О пределах силы Дороти Вильямс знал только Доран и унес это знание в пучину.

Дороти сложила ремень вдвое и намотала на кулак, оста-

вив петлю свободной. Сосредоточилась, убрала за ухо мешающий локон и ударила резко, почти без замаха.

Морено, который не ожидал, что все начнется так сразу, выгнулся от удара, а на его спине поперек лопаток остался четкий отпечаток ремня. С ее, Дороти Вильямс, гербами. Под языком стало терпко, точно выпитое вино было совсем из другого сорта винограда.

– Прикуси покрывало, – коротко приказала она, но Морено только вскинулся упрямо и вцепился сам себе в запястье.

Покрывало он прикусил только после двадцатого удара, когда на спине ровными полосами, чуть с задержкой, проявлялись следы от ремня. Прикусил и выдохнул шумно, но не застонал.

– В тебе много злости, моя прекрасная командор.

Дороти не остановилась – ударила вновь.

– Да, много, Морено. Ты себе даже не представляешь сколько.

Звук, с которым ремень встречался со спиной, был звонкий, четкий. Но капитанская каюта не зря была капитанской – толстые дубовые доски не давали звукам просачиваться наружу.

Удары следовали один за другим, без пауз. Стоило одному следу только начать наливать болью, как рядом с ним ложился следующий, ожогом отвлекая на себя внимание.

Морено мерно и шумно дышал и только выгибался, когда прилетало особенно сильно, но тут же сам возвращался в

прежнюю позу. Ни разу не застонал и не попросил пощады. Дойдя до середины спины, там где заканчивались ребра, Дороти не стала бить дальше – чтобы случайно не покалечить внутренности, а, разом проскочив поясницу, припечтала ремнем там, где начиналась грубая ткань моряцких штанов. На следующем ударе глазомер подвел, и ремень пришелся уже на ткань, однако почему-то именно от этого удара Морено еле слышно выдохнул, и к выдоху в этот раз примешивался какой-то звук. От него стало опять горячо, и Дороти, испугавшись собственных клубком спящих под кожей демонов, целомудренно подняла удары выше – на широкие плечи.

Когда счет приблизился к пятидесяти, она остановила руку и осторожно положила ремень на кровать, затем смахнула со лба волосы. Признаться самой себе, что она вспотела от пустячных усилий, не вышло – тут было другое. Такое же темное, как морские глубины. Ярость, не дававшая спокойно дышать последние сутки, с тех пор как она увидела взлетающую на воздух “Вирджинию”, отпустила, ушла... Вернее, выродилась в нечто другое. От всего вместе: от разговора, нарочитого показушного раздевания, не менее показушной порки.

Но гнев Черной Ма теперь точно команде не грозил. Морено оказался прав.

– Разговор окончен, – ровно сказал Дороти, отвернувшись, подойдя к шкафу, начала перебирать сложенные там на-

вигационные карты. Следовало проложить курс – подальше от этого безумия и поближе к “Каракатице”.

Потому что если на призрачной бригадине она смотрела в пасть неизведанному, то сейчас, в собственной каюте, она точно заглянул в глаза дьяволу.

Как Морено одевался – Дороти не слышала, тот был бесшумен, как пантера. Что можно обернуться, она поняла, только когда шаркнула, закрываясь, дверь.

С кресла исчезли рубашка и пояс, точно и не было ничего. Только складки на покрывале доказывали – нет, было. Дороти отбросила карты, подошла к кровати и устало упала на покрывало. Вольность, которой она себе не позволяла в дневные часы, справедливо полагая, что для сна существует ночь, а молодой леди и капитану не пристало спать днем, как старушке.

Накатила усталость – словно не она сейчас порола, а ее. Под веки точно сыпанули песка, и она позволила себе маленькую слабость – пятка о пятку стряхнула сапоги и вытянулась во весь рост, потом перевернулась на живот и уткнулась в покрывало – туда же, где еще недавно прятал лицо Морено.

Покрывало едва заметно пахло потом, табаком и корицей. Дороти вдохнула, прикрыла глаза и попыталась улечься удобнее. Что-то жесткое упиралось в бок. Она поерзала – но колючий угол не исчез, – нащупала мешавшую ей под покрывалом вещь и вытянула ее на свет.

Это была невеста откуда взявшаяся игральная карта.
Пиковой масти. Король.
Из той самой колоды.

Король сидел на троне, забросив одну ногу на каменный резной подлокотник. Золотая корона с короткими зубцами терялась в черных волосах. В одной руке он держал чашу, а вторая бесстыдно лежала там, прямо на вздыбленном естестве. Тоже коронованном. Король не улыбался, смотрел внимательно, с прищуром. Испытующе.

У короля было лицо Морено, а на его груди сходились и никак не могли сойтись осьминожки щупальца.

Дороти провалилась в сон, точно в спасение. И всю ночь, где-то вдалеке, ей слышался смех Дорана.

Глава 8. Белая кобылка

К дальнему острову в цепи архипелага причалили в среду, к ночи. За час до этого допили последнюю воду. Самую последнюю, с илом и мусором, со дна бочки.

Сначала два дня не давал выйти из выбранной на стоянку бухты полный штиль, но стоило только погоде сдвинуться с мертвой точки, а “Свободе” выбраться на большую воду, как подул горячий, точно пустынный самум, ветер, а потом снова упало полное безветрие. Еще на три дня.

Черная Ма все-таки оказалась злопамятнее Дороти и отнеслась всем разом – напугала штилем, обвисшими парусами и бочками, в которых стало проглядывать дно.

Все эти дни Морено держался от Дороти на расстоянии, точно между ними ничего не произошло. Да и сама она общаться не рвалась, хотя вопросов накопилась уйма – но все они так или иначе были связаны с бригаантиной, а бригантина в свою очередь – с проклятой призрачной колодой карт и с тем, что случилось в каюте. Порочный круг. Не спрашивать оказалось проще.

Все приказания Дороти обрели форму крайней, возведенной в абсолют, вежливости. Такой рафинированной, что обзавидовались бы в королевском дворце.

Черный Пес же молча кивал в ответ, исполнял безукоризненно и в глаза не глядел. Идеальный первый помощник.

Обстановка потихоньку накалялась и становилась невыносимой.

Команда, которая нюхом чуяла, что внутри не так гладко, как снаружи, вела себя осторожно, старалась между капитанами не вступать. Только с беспокойством смотрела на море и ждала ветра. Дисциплина на судне теперь была покруче, чем на флагмане: все, что могло блеснуть – блесло. Только вот рук не хватало – “Свобода” была рассчитана на семьдесят человек экипажа, если отсечь гарнизон пехоты, абордажников, канониров и пушечную службу. Поэтому на оружейной палубе были приведены в порядок только две пушки, зато паруса и такелаж пребывали в идеальном соответствии.

Когда стало понятно, что Черная Ма отпустила ошейник, и подул попутный ветер, Морено, чтобы больше не гневить морские божества, встал за рулевого и сам вел “Свободу” до самого порта острова Сан-Карос.

Сан-Карос был, конечно, не портом Вейн, в который стекались отбросы всех трех океанов, но весьма вольным местечком. Крайний в цепи остров, когда-то бывший форпостом для завоевания континента, а теперь прогнивший и растерявший былой лоск.

Швартовались уже в полной темноте. Только привязав канаты, сразу отправили водовозов – “Свобода” была кораблем приметным, и если в здешних водах появится королевский фрегат на рейде, то драки или погони не избежать, а уходить в море с пустыми бочками – верная смерть. Дождались воз-

вращения, загрузились с лихвой – Морено отчитался, что закатали в трюм двойной запас. Могли себе позволить. Шли без груза, с командой в три раза меньшей, чем обычно служит на фрегате.

На берег сходили уже глухой ночью.

Дороти сначала хотела остаться на корабле. Порт Сан-Карос был хоть и мелкий, но незнакомый, но боцман Саммерс, после того как треть команды уже сошла на пирс, стукнул в каюту и пробасил, что командора ждут на берегу – по договоренности с Морено, ее, будто ценную заложницу, нужно было показать кабацкой голытьбе.

Пришлось переодеться в самые потрепанные из всех хранящихся в сундуках вещей, накинуть старый мундир – с которого спороли пуговицы, подвести под глазами тени и спутать волосы.

Когда Дороти переделась, Саммерс связал ей руки за спиной и проводил конвойным до пирса.

Там уже ждал Морено.

Пират переодеваться нужным не посчитал, только добавил толстую золотую серьгу в ухо, пистолеты в ольстры, привычный палаш, да на пальцы надел невесть откуда взятые перстни. Один из них – с синим как море в ясный день сапфиром – и вовсе не постыдился бы украшать руку губернатора или дворянина.

Украшение странным образом меняли Пса, делая его куда более мрачным.

– Командор, – Морено оглядел Дороти с ног до головы, оценивая. Недовольно нахмурился, шагнул ближе и единым движением привел в еще больший беспорядок ее прическу. – Для пленницы у вас слишком цветущий вид. Не поверят. И нужно для правдоподобия...

– Что? – не поняла Дороти и в следующую минуту уже приходила в себя от хлесткого удара по щеке. Перстни оцарапали кожу и наверняка через пару минут на скуле будет хорошая ссадина.

На ногах она устоял, но веревки на руках затрещали, подаваясь, на что Морено сказал быстро и тихо:

– Ничего личного. Никакого удовольствия. Все только для дела. Хотя вру – удовольствие было. Боль за боль. Не сверкай на меня глазами, моя прекрасная командор, не боюсь. Хотя наоборот – сверкай. И выражения на лице не меняй, нам даже врать не придется! – и ухмыльнулся.

Дороти смирив желание порвать к чертям путы и оттрепать Черного Пса как щенка. Сукин сын! Все таки нашел момент, чтобы отыграться.

Устроить правильный спектакль было важнее, а здесь, на пирсе, уже могли быть чужие глаза. И чужие уши. Дьявол с ним, синяк и пара часов комедиантства – это небольшая плата за сохранение репутации “честной подданой Его Величества”, которая в компании пиратов может находиться только по принуждению.

Морено бил умело, теперь заметная ссадина шла от ще-

ки к виску, наливаясь с каждой минутой тяжестью. Так что внешне Дороти теперь окончательно походила на пленницу, терпящую лишения.

Пока петляли узкими деревянными тротуарами, обходя пакгаузы, рулевой Фиши, идущий первым, тихо рассказывал про остров и здешние порядки – однажды он застрял тут на два месяца, на торговце пряностями, в сезон муссонов. “Каракатица” в этом порту не отмечалась, так что остальной команде тут все было в новинку.

Рассказ Фиши был короток: кроме пяти мелких деревень, торгового поста Иверии и крошечного городишки, выросшего у порта, тут ни черта не было. Здешний управитель был женат на аборигенке, которая приняла правильную веру, и дети у него были цветные. Поэтому даже когда возникали очередные нелады с местным населением, Сан-Карос резня огибала по кривой.

Городишко состоял из ратуши, ремесленного квартала, трущоб, купеческих подворий, трех лавок, четырех борделей и пяти таверн, из которых самая грязная, конечно, была в порту.

– Моя прекрасная командор, – Морено остановился у низкого одноэтажного бревенчатого дома, за забранными ставнями которого мелькал свет и раздавались радостные крики. Пират был необычайно сосредоточен и серьезен, словно не ром шел пить в компании таких же преступников, а план нападения на золотой караван разрабатывал. – Твоя задача

сейчас – гордо и неприступно молчать. Ну и следить, чтоб в пьяной драке тебя не попытались закинуть на плечо и уволочь в темный угол. С вполне определенными целями. Подданные ихнего величества здесь не в фаворе, этикет соблюдать тоже никто не станет. Нам не нужно торчать тут слишком долго – узнаем, каким курсом ушла “Каракатица”, покажем тебя со всех сторон и уйдем. Я отправил двоих за провизией – они поднимут поставщика с кровати, чтоб работал.

Пес повел плечами, словно ремни перевязи, на которой висел палаш, ему натирали. Дороти кровь бросилась к щекам, когда она припомнила, почему так могло быть. Стоило отвлечься от постыдных воспоминаний и думать о деле.

– Но поставщик захочет денег, – нахмурилась она, потому что не успела обсудить с Морено важный момент: вся казна “Свободы” осталась в Йотингтоне, как и его собственные средства.

– Я буду ему должен. Это дороже денег, – ответил тот и толкнул дверь с прибитой не по центру маской аборигенов.

Впрочем, в таверне все было такое – кривое, на один раз. Чтобы как можно меньше тратить на ремонт, когда пьяная матросня в очередной раз вынесет ставни или выломает двери. Вместо стульев предлагались скамьи из тонких неструганных досок.

Основательными тут были только столы – целиком выточенные из местного водяного дерева и водруженные на известковые плиты.

Чад от очага шел жуткий: воняло горелым мясом и маслом. Запах табака среди этой вони терялся, хотя курили здесь многие. Основная зала была большой, но и народу тут, несмотря на поздний час, набилось больше сотни.

Завсегдатаи сгрудились у пары столов, где шла какая-то азартная игра. Какая – было никак не рассмотреть из-за толпящихся вокруг людей и спящих между ними полуголых разносчиц.

Приход Морено со товарищи прошел почти незамеченным, только какой-то забулдыга попытался повиснуть на них, но ему врезали под дых и выкинули за дверь.

Морено приподнял бровь, и в мгновение ока нужный ему стол – в углу, рядом с дверью, ведущей на кухню – оказался свободен, а хозяин таверны уже кланялся подобострастно, узнавая, что гости хотят пить в этот славный поздний час.

– Пива, – коротко приказал Морено, усевшись и усадив рядом с собой Дороти. – И мяса.

Прислужница-аборигенка, в платье, которое до такой степени не скрывало ее верхние прелести, что были видны темные сосцы, обмахнула стол тряпкой и молча поставила два кувшина с пивом. Вторая девушка, конопатая алантийка, одетая чуть более скромно, принесла оловянные кружки и вяленую рыбу.

– Мясо надо ждать, мистеры. Оно у нас еще не дошло, – томно выдохнула она, поглядывая разом на всю команду – у кого в кошеле больше, с ходу было не угадать, а на внимание

Морено она явно не рассчитывала. На Дороти она взглянула с ревностью, увидев в ней конкурентку.

– Во что играют, золотко? – Фиши притянул девицу к себе на колено. Та покочевряжилась для виду, но потом села. И так ясно – таких на кухне с десятков, и еще пяток уже в зале – вон к клиентам трутся. Так что пиво есть кому донести. А с каждой девицы хозяин получает свою долю, так что все возражения тут только для виду и чтоб цену задрать.

Впрочем, команда Морено жадничать не собиралась, как и упускать своего. Дороти их понимала, и пока еще была на королевской службе, всегда старалась отпускать команду на берег. Спокойные матросы всегда лучше тех, что злятся. А лучше женщины мужчину ничто не успокоит. Женщины из ее команды тоже предпочитали проводить время на берегу в веселой компании.

Со стороны толпы раздались подбадривающие крики, точно там поставили на кон полновесное золото. Потом все стихло, чтобы через секунду опять рвануть победным ором.

– На руках борются, мистер. “Батавия” против “Санта-Розы”.

– А еще кто, милая? – Фиши опустил в разрез платья мелкую монетку и полез к служанке под юбку, та захихикала, изображая смущение.

– Ох, мистер, руки у вас холодные.

– Сейчас согреются, так кто еще, детка?

– Ох...

– Я вижу Мбанди, он квартирмейстер на “Дьябло” дона Гильермо, – себе в кружку сказал главный плотник “Карака-тицы”, который был налландцем и как все эти снулые люди имел совершенно непроизносимую и незапоминаемую фамилию с двумя ударными гласными.

Дороти почувствовала, как напрягся рядом Морено: судя по всему, новости были плохими. Про “Дьябло” она не слышала, видимо, это было пиратское судно из залива – там сложились свои когорты грабителей. Или если судить по имени капитана, это мог быть кто-то из ошметков Иверского флота, который они потопили два года назад. Дезертир, наверняка.

– Это плохо? – тихо спросил она.

– Разберусь, – буркнул Морено. – Мое дело, не суй в него свой миленький нос.

– Даже не собираюсь, но буду безмерно благодарна, если ты развяжешь мне руки. И прикажешь, чтоб принесли воды.

Морено побарабанил пальцами по столу недовольно, но руки Дороти приказал развязать. Ненадолго. Только чтобы связать спереди.

Служанка – в этот раз метиска с пухлыми губами – при-тащила блюдо с мясом. Свинина была прожарена плохо, но при этом имела здоровый цвет и хорошо пахла.

Бринна, одна из бойцов абордажной из матросов, щедро плеснула пива из кувшина в опустевшую кружку какому-то пьянчуге и, дружески обняв его за плечи, начала выпытывать последние новости.

– Что слышно, красавчик? Брежут, что на Малом Крабе встали два королевских фрегата и готовят на кого-то сеть...

– Да, селедку тухлую им в глотку! – пьяница забулькал пивом, спеша запить гнев. – Корма акульки, пытаются наших парней взять! Но наши им нарисуют плавники, давно уже ушли в порт Вейн. Хрен им, ублюдкам атлантический! Знавал я одного типчика из ихних – он мне все клялся, что товар достанет первосортный, а привез гнилье – сверху ящика белый сахар, а снизу земля! Земля! И этот сраный потрох – на службе у их сраного величества.

Толпа взорвалась ором – видимо, победил фаворит.

Фиши окончательно расправился с юбками конопаты и теперь шептал ей что-то в шею – то ли вызнавал новости, то ли предлагал найти местечко потише, например в узких комнатухах, что прятались за ярко-красной шторой в любой таверне. Скорее второе. Девушка хихикала, но вести клиента не спешила – Фиши еще не показал деньги, а за медную монетку давали только пощупать.

– О, это они могут, – Бринна подлила еще и только открыл рот для вопроса, как на нее вывалили:

– Да они ж Черного Пса повесили! Век на палубу не ступать, с неделю назад, на площади Йотингтона. Там был брат моей свояченицы. Своими глазами видел, как петлю затягивали. Народу собралась тьма...

Пьянчуге удалось привлечь к себе внимание всей команды, Фиши даже перестал лапать конопату, а Морено так и

вовсе подпер голову кулаком, точно ему нянька, которой у него отродясь не было, сказку рассказывала.

– А он вышел, значится. Улыбался. Весь гарнизон форта согнали, чтоб, значит, его подельники отбить не смогли. Хотя, вот горе-то, отбивать было уже некому – всю команду как есть переказнили раньше капитана. Прямо вдоль дороги от порта в город развешали, точно извергов каких... и тела снять не дали!

Изверги сочувственно покивали, глотнули за свой упокой, но перебивать не стали.

– Губернатор указ зачитал, что, мол, за прегрешения перед богами и королем приговаривается Черный Пес Морено к казни через повешение. Ну значится, палач в маске петлю как положено накинул, а Черный Пес тут и говорит, что перед богами он чист, а величество ихнее он драл через душу в мать по три раза. Глаза ему, значит, завязали, палач за рычаг дернул и...

– Какая встреча! – В стол перед их компанией со свистом воткнулся абордажный топор. – Марлин вылез из алантийской сети и даже чешую при себе оставил.

Забулдыга заткнулся и поспешно отполз в темный угол.

Морено, не обратив внимания ни на топор, ни на говорящего, неспешно допил пиво, поставил кружку на стол, утер губы и только потом сказал:

– Дон Гильермо, а ты все также сначала бьешь, а потом смотришь куда. Если у тебя и с бабами так – гляди, оста-

нешься без наследников.

Названный доном Гильермо громадный иверец с бородой, окрашенной в ярко-рыжий цвет, оскалился, но без смеха – глаза у него оставались холодными, а взгляд цепким, – с подначкой:

– Ты ж вроде не по бабам. Откуда ж тебе знать, где у них что? – процедил он и ослабил.

Морено рванулся из-за стола молнией.

У Дороти мимо носа что-то мелькнуло, и в следующее мгновение Морено уже стоял на столе, а бритвенно-острое лезвие его палаша упиралось рыжебородому под кадык.

Дернувшиеся было головорезы Гильермо – около десяти человек – замерли, не зная, как поступить.

Фиши неторопливо пересадил конопатую с колен на скамью, достал пистолет и взял на прицел того самого квартирмейстера – огромного негра с золотым кольцом в носу. Брина достала из-за отворота сапога бритву для левой руки, а правую положила на рукоять сабли.

Остальные подобрались, и только Дороти продолжила сидеть, катая в связанных руках стакан с водой, хотя могла раскидать в стороны всех участников драки и столами присыпать.

– Слова обратно. С извинениями, – потребовал Морено.

– А за что ж мне извиняться?– Гильермо удивленно приподнял брови и не отодвинулся ни на дюйм. – Красотка Жаннет болтала, что всю ночь скакала на тебе козой, а ты только

стены рассматривал, чисто жена губернатора в первую брачную ночь.

Морено точно не услышал, не сводя пристального взгляда с Гильермо, чуть наклонился, вжимая лезвие в горло:

– Я оглох при стычке с Призраком, или ты молчишь?

Дон Гильермо снова улыбнулся, показав золотые зубы, но Дороти заметила, что рука, которую он держал на рукояти сабли, дрогнула.

От упоминания неизвестного Дороти Призрака по таверне прошел встревоженный шепоток и замер, точно ветер перед грозой. Только в очаге продолжали шипеть и трещать пальмовые поленья.

– А еще болтают, что Призрак нагнул тебя и твою команду так славно, что на баб вас уже не хватает. И поэтому Черный Пес на дырявом корыте шкерится по удаленным бухтам, только бы не попасться на глаза алантийским кораблям.

Морено все также спокойно поднял брови, точно удивляясь тому, что услышал, а потом неувовимо для глаза двинул палашом и вновь прижал его к горлу иверца. Которого теперь следовало величать безбородым. Ярко-рыжие пряди осыпались на стол, а дон Гильермо только и смог, что проследить за ними взглядом.

– Еще раз ты скажешь то, что хочешь сказать, а не то, что я хочу услышать, – отправишься в зеленые холмы, – буднично сообщил Морено. – Мое море терпения заканчивается.

Иверец облизал губы и выдавил:

– Мои извинения. Видимо, я перепутал тебя...

– Со своим папашей, – ласково подсказал Морено.

– Со своим папашей, – багровея, проговорил дон Гильермо.

– Вот теперь расслышал, – Морено отодвинул палаш и легко спрыгнул со стола. – А то подумал, что оглох. Ты меня не пугай, Гильермо, а то я пугливый.

Иверец что-то пробормотал себе в остатки бороды, но нападать не стал. Команда “Дьябло”, недовольно шушукаясь, отошла от стола – Фиши пистолета не спрятал, да и остальные рук с эфесов не убрали.

– Крови не будет? – одними губами спросила Дороти у Бринны.

– Будет, но позже. Иначе станут шептаться, что Пес зарезал дона Гильермо за слова.

– За слова не режут?

– Мы ж не благородные лорды и леди, у нас все только за дела. А слова – пыль.

– Это ж Черный Пес Морено! Тебя ж повесили в Йотингтоне, на прошлой неделе! – очухался в углу пьянчужка и начал делать отгоняющие зло знаки.

– Значит, есть за что выпить, – Морено забрал со стола кружку и кивнул служанке наполнить. – Упокой господь мою душу! Плохой был человек, но отличный капитан!

По углам таверны зашептались, но потом вновь загомонили, увлекшись. Гильермо от стола, за которым сидела коман-

да “Каракатицы”, далеко не отошел и руки с перламутровой рукояти не снял. Видимо, понимал расклад не хуже.

– А где твоя “Каракатица”, Морено? Говорят, ее видели под флагом чаевников. И чесала она на всех парусах мимо Большого Краба напрямик на Темные острова. На чем ты приплыл сюда, Пес? На плоту?

– На корыте его величества, – Морено за оружие больше не хватался, но весь стал точно тетива.

И Дороти была готова поспорить, что удивления в нем было столько же, сколько в самой Дороти. За какими дьяволами “Каракатицу” понесло мимо Краба? Полковник Филлипс должен был отогнать ее на материк, в Сан-Мару. Темные острова лежали в направлении противоположном, и тут было два варианта: либо иверец врал, в надежде снова выбесить Морено, либо Филлипс рехнулся. Но полковник отличался удивительным здравомыслием.

– Я одолжил у губернатора Йотингтона четыре корабля, но три сгорели. Пришлось обойтись одним.

В углу кто-то уважительно присвистнул.

– Ты угнал у алантцев лоханку? – не сдержал удивления дон Гильермо.

– Да, и еще три сжег во славу Черной Ма. Мы опередили вести из Йотингтона на три дня. По старым я еще числюсь повешенным. Так что к чертям “Каракатицу”. Мне и так неплохо.

– Призрак! Подменыш! Сгинь, отвяжись! Тебя казнили! –

продолжал стоять на своем пьянчужка.

– За тобой будут гнаться по всем морям, – сказал кто-то с налландского корабля и отсалютовал Псу кружкой.

– Пусть гоняются, я оставлю их ловить ветер от моих парусов.

– Так выходит, эту белую красотку... – Гильермо кивнул так, что обрубок бороды указал точно на Дороти, – ты не просто так с собой приволок? Кто эта сахарная малышка?

– Леди бывший капитан атлантической лоханки. Белая кость и голубая кровь. Верная дочь отечества. Чего, без мундира и парика не похожа? Так открою секрет – под одеждой все бабы одинаковые.

Вокруг зашушукались.

– О, знатный трофей, – теперь дон Гильермо смотрел на Дороти Вильямс куда внимательнее, чем раньше.

Да и остальные в таверне тоже уставились во все глаза.

Дороти окинула всех деланно-равнодушным взглядом и выгнула бровь. Внутри кипело бешенство, на нее впервые смотрели как на товар. Безусловно ценный, дорогой, но товар.

– А где ее команда?

– Кормит крабов.

– Жаль.

– Мне – нет, – Морено уже повернулся к иверцу спиной, когда у того на лице возникло странное выражение, будто он нащупал в противнике слабинку и готов туда ударить.

– Сыграем? – небрежно бросил он.

Морено оглянулся, выждал мгновение, словно чуя подвох, и уточнил:

– Карты? Кости?

– О, нет! – тут дон Гильермо развеселился вполне искренне. – С тобой за пяток партий я лишусь и корабля, и подштанников. Я о другом. Борьба. Дело настоящих мужчин. Твой против моего. Здесь, при свидетелях.

Иверец махнул рукой в сторону стола, где недавно толпились. Там заливал горечь поражения пивом боец с налландского судна – морщился, растирал вывихнутое запястье, на котором чернели синяки.

– И кто будет за тебя? – спросил Морено.

– Й-а, – квартирмейстер с “Дьябло” шагнул вперед и гордо улыбнулся, показывая дыру вместо двух передних зубов. – Й-а биться за масса Гильермо.

Тот расхохотался, обняв здоровяка за плечи.

– Ну что, Пес? В твоей команде есть кто-то с яйцами, кроме этой леди? А то что-то мне не верится в байку об отбитом у алантийцев корабле. Скорее, стянули что плохо лежало или вовсе нашли брошенный фрегат под зеленым чумным флагом.

– Тебе оно, конечно, виднее. Как подбирать зараженные лоханки.

Дороти заметила – Морено начал закипать. Если за оскорбление своей чести он уже отплатил чужой отрезанной

бородой, то сейчас втапывали в грязь имя его команды. Бедой была в том, что те, кто мог достойно посоревноваться с этой черной горой мускулов, остались на “Свободе”.

Саммерс и пятеро абордажников, и то чернокожему здоровяку, пожалуй, ровней был только боцман. Бринна была хоть и хороша – но по весу явно уступала.

Те, кто сейчас сидел за столом, были неплохи в драке на ножах или стрельбе, но вот силы в их руках точно не хватало.

– Ну так? Рискнешь? – подначил иверец, хлопнул по плечу своего бойца и напоказ затряс отбитой ладонью. – Этот сукин сын тверже стали! Я ставлю на него сотню золотых. Цени, Пес, когда Мбанди вставал против налландца – ставки были в десятку.

– Мы поиздержались в пути, боюсь, ставки не сравнять, а в долг мне тут пока не дают.

– Я, как старый добрый знакомый, ради хорошего соревнования готов пойти навстречу! Ставлю на кон сотню золотом, а ты – свой трофей. Эту породистую белую кобылку, которая так сверкает на меня глазами. Ну как, по рукам? На материке за нее дадут даже меньше – слишком много возни с выкупом.

На лавках взревели, поддерживая, предчувствуя хорошее представление.

– Пять на черного! – заорал шкипер “Санта-Розы”. – И мешок кофе.

– Серебро на “Каракатицу”! – отсалютовал кружкой капи-

тан налландца.

Поднялся ор, в котором хозяин таверны с трудом успевал вычленять ставки и записывать их грифелем на доске.

Дороти закаменела. Сейчас она могла одним движением порвать путы и вбить иверцу его золотые зубы прямо в глотку. Но тогда весь придуманный Морено план катился к морской матери: в таверне обязательно найдутся те, кто донесет про необычную непленную пленницу, и о возвращении к прежней жизни можно будет забыть.

Нет, существовал один шанс из ста – добраться потом до столицы и пасть в ноги Его Величеству. Но вряд ли даже он, при всем его мягкосердечии, простит Дороти три потерянных корабля. Да и слово губернатора против ее слова будет весомей.

Или остаться сидеть так? Глядя, как кто-то из команды Морено проигрывает? И что дальше? Они отдадут ее на “Дьябло”? Но тогда Черная Ма не оставит от “Свободы” даже якорей! Первый же выход в открытое море, и пиши пропало!

Если же Морено сейчас откажется от состязания, то драка начнется немедленно. При этом огорченные тем, что им недодали зрелища, посетители таверны точно будут не на их стороне. И Дороти придется участвовать по полной. Не убивать же всех в этом вертепе, чтоб молчали? Убийство ради убийства Дороти претило. Все-таки она знатная алантийская леди, а не восточный ашашин.

– Ну же, Пес! Неужели ты лишишь нас зрелища? В этой

дыре всего-то развлечений трахать губернаторскую дочку, а потом бегать от ее папаши через балкон. Это я уже проделал, и второй раз мне скучно. Решайся!

Морено прищурился и неожиданно резко кивнул.

– Согласен. Твоя сотня дукатов против белой кобылки.

Таверна взревела в предвкушении зрелища. Служанки заранее стали нагружать подносы кружками с пивом – от азарта жажда вдвое сильнее.

– Кого выставишь, Пес? – Гильермо выбрал место, откуда будет хорошо виден стол, и плюхнулся на скамейку.

Морено задумался на миг, стянул косынку и тряхнул головой:

– Себя.

И оскалился по-волчьи.

Глава 9. Вкус победы

Дороти решила выждать. В конце концов, свернуть шею особо ретивым покупателям она всегда успеет, как и выдать себя.

Для поединка освободили место.

Теперь выбор пал на стол в центре зала, над ним как раз висело большое тележное колесо, уставленное желтыми свечами, с которых то и дело срывались тяжелые восковые капли. И видно издалека, и зрители могут рассестись вокруг, а не толпиться, рискуя толкнуть поединщиков и получить метательный нож в глазницу за испорченную забаву.

Дороти украдкой посмотрела на команду Морено. Те были на удивление спокойны. Фиши пытался снова приманить девицу, вертя в пальцах монетку, но та старательно стреляла глазами в Морено. Впрочем, девица оказалась куда хитрее – когда все отвлеклись, она водяным ужом пронырнула между матросами, подлезла Дороти под локоть и прошептала: “Мой брат идет в Йотингтон через три дня. Могу передать весточку”. Вот же некстати!

Пришлось изобразить страх перед командой Морено и прошептать:

– Услышат и убьют. Как убили всех на корабле.

Девица поняла и замолчала.

Бринна перешептывалась с хозяином таверны, звякнули

серебрянные монеты, переходя из рук в руки – похоже, это была ставка. Остальные сидели как сидели, точно ничего не происходило. Тянули пиво, доедали выставленные на стол дурно обжаренные ребра, рассматривали разносчиц, иногда делая вялую попытку прихватить ту или иную девицу за ляжку. Неторопливо перебрасывались односложными вопросами и ответами с командой налландца – те шли издалека, от континента и везли пушнину, на которую напала какая-то плесень. Вот и встали на просушку, тут же получив в порту непечатное прозвище – потому что по всем бортам и такелажу были развешаны мохнатые шкуры. Капитану налландца на прозвище было класть с прибором – лишь бы товар сохранить.

Хозяин притона, собрав все ставки, удалился за стойку, считать банк и записывать. Служанки отмыли с золой стол – чтоб не было и капли жира, отскоблили ножами и вытерли насухо. Две одинаковых рубленых колоды подкатали вместо стульев – чтобы не подвели, не сдвинулись, пока будет идти борьба.

Потом боцман с “Санта-Розы”, горбоносый седой франец, киянкой вбил в столешницу два одинаковых моряцких ножа – с крепкими рукоятками, в которых пластины дерева чередовались со свинцом.

Дон Гильермо, внезапно растерявший всю веселость, озабоченно шептался со своим поединщиком, ухватив его за ремень и что-то оживленно доказывая.

Морено, напротив, стоял в одиночестве, сложив руки на груди и наблюдая за приготовлениями. Команда, которая знала своего капитана так же хорошо, как карту шхер у побережья Йотингтона, советы давать остерегалась, а остальные посетители не рисковали приближаться – уж больно угрюмый у него был вид.

– Если выиграет Гильермо, он продаст леди на континент, – прошептала на ухо конопатая служанка. – И сделает так, чтобы все знали, у кого он отбил трофей.

Ответить Дороти не дали: хозяин таверны ударил молотком по медной чашке, которая тут была вместо гонга, давая сигнал приготовиться. Толпа вскипела, началась толкучка, рыжая бросила Дороти и протиснулась в первые ряды.

Морено расстегнул перевязь с палашом, стянул ремни с кобурами и небрежно бросил на лавку. Следом легли перстни. Туда же отправился алый пояс из офицерской перевязи, который Морено так и не сменил на что-то подходящее (похоже, ему просто нравилась эта шутка и то, как она бесит Дороти), последней упала рубаха. Происходящее живо напомнило о том, что случилось в ее каюте совсем недавно. Воспоминания были тоже некстати.

Капитан “Каракатицы” остался только в штанах, которые поддерживал толстый ремень, и сапогах. Смочил ладони водой из кувшина, пальцами зачесал назад черные вьющиеся волосы, вытер руки поданным полотенцем и уселся за стол.

Гигант Мбанди замешкался – дон Гильермо что-то горя-

чо шептал ему в ухо, – потом кивнул, раздул и без того широкие ноздри и внезапно глухо рыкнул, ударив себя кулаком в грудь. Заводил, подначивал. Команда “Дьябло” взревела, поддерживая своего поединщика.

На Морено этот спектакль впечатления не произвел – он только скучающе приподнял бровь.

– Я поставил два серебра, – тихо признался кто-то из команды. – Чертовски жалею, что не прихватил больше.

Дороти хотела спросить, откуда у команды Морено такая уверенность в победе, что они ставят последние деньги, но промолчала.

Смотреть на капитана “Каракатицы”, который, разминаясь, поводит плечами или напрягает руки, было приятно, от этого зрелища в солнечном сплетении стало горячо, а потом жар спустился ниже...

Дьявол! Дороти не хотела смотреть, но и отвести взгляд было подобно пытке.

Кракен на спине и груди Морено жил и двигался, кольца щупалец и присоски извивались точно живые. По смуглой широкой шее скатилась капля пота, прочертив светлую дорожку. Морено поднял руки и потянулся всем телом, как тогда, в каюте, на кровати Дороти... От того наказания на спине не осталось и следа, и теперь думалось, может, Черная Ма специально наслала на них безветрие, чтобы шкура ее любимчика успела зажить.

Это было какое-то проклятье. Морок. Порча. Сглаз. Мо-

рено, пират, убийца, дно дна, не может нравиться ей так!

Теперь Дороти осознала это точно, с кристальной ясностью. Наверняка она подцепила проклятье там, на призрачной бригадине, и оно теперь неотступно следует за ней, заставляя то и дело пытаться на прочность моральные устои.

О том, как трещали эти устои еще в Академии, когда Доран после тренировки по фехтованию жадно пил воду прямо через край ковша, так, что она плескала на белую рубашку, делая ее прозрачной, Дороти сейчас предпочитала не думать. Потому что Доран давно ушел в свой первый и последний рейд – и забрал проклятие с собой.

Дороти не любила самообман – она сейчас смотрела на Морено, смотрела с греховной стороны. И думала, каково это – дотронуться. Не ремнем, ладонью... Чистый бред! Сумасбродство и сумасшествие.

Да, когда-то она любила Дорана: как друга, не как друга, но любила. Она нашла в себе силы признать это – уже потом, после похорон пустого гроба на Морском кладбище.

То, что она испытывала к Морено, даже отдаленно на любовь не походило – оно горчило и жгло на языке, билось частым пульсом где-то в основании шеи и состояло целиком из похоти, приправленной в равной мере ненавистью, восхищением и любопытством.

Да, Дорана она любила. Морено она хотела. Жадно и жарко.

И непонятно, что было греховнее: то прошлое – нежное и

нерешительное, сгнувшееся вместе с Дораном Кейси на дне, или татуированное будущее, которое сейчас лениво разминаяло плечи перед толпой.

И станет ли Дороти так же сожалеть о будущем, когда оно превратится в прошлое, как сожалеет о прошлом, которого теперь не вернуть?

Дороти застыла в шаге от личной катастрофы. От пропасти. Потому что пред ликом богов что слова, что помыслы, что поступки – все едино.

Раздетый по пояс, огромный как гризли, Мбанди сел за стол и схватился левой лапищей за рукоять вбитого ножа, а правую упер локтем в столешницу. Морено отзеркалил, но как-то неохотно, с рассеянной ленцой.

Дороти его понимала – проигрывать на глазах у толпы вдвойне обиднее – и приготовилась к неизбежному. Чтобы разобраться с командой Гильермо, ей понадобится от силы минуты три. Если вмешаются другие моряки – семь. Если все посетители таверны – девять.

Фиши поймал ее взгляд и едва заметно покачал головой, то ли не одобряя задуманное, то ли прося не торопиться.

Капитан “Санта-Розы” сыпанул на ладони поединщиков толченой извести – чтоб пальцы не скользили. Те сразу сомкнули руки в хватке – равной, крепкой. Примерились, напряглись так, что жилы на шеях вздулись, но сразу расслабились – начинать борьбу следовало точно по сигналу.

Подошел хозяин таверны и накинул им на руки красный

шелковый платок, подвязал концы так, чтобы ткань натянулась, и вернулся обратно за стойку.

– Готовы? – уже оттуда спросил он, примериваясь для удара по медной чушке.

– Да! – заревел Мбанди и оскалился.

Морено ответил кивком, точно берег силы.

Зрители нетерпеливо переминались, перешептываясь. Запоздалый зевака скользнул во входную дверь и заканючил, узнавая, а что здесь происходит. Его заткнули тычком в живот, чтоб не мешался.

Дороти смотрела на профиль Морено, на напоказ расслабленные руки и хотела, чтобы происходящее никогда не заканчивалось или закончилось немедленно.

Хозяин выдохнул, замахнулся широко и врезал железом по меди так сильно, что выбил искру. Зрители взревели.

Поединок начался.

– Ату его! Сильнее, чтоб тебя кракены сожрали!

Вопреки ожиданиям Мбанди не смог сразу положить руку Морено на стол рядом со своим ножом. Черный Пес спокойно удерживал хватку, не давая ему преимущества и не отводя тяжелого взгляда исподлобья. Мускулы на его руках вздулись, выдерживая давление и показывая рисунок вен, нашее напряглись жилы, но он не уступил и дюйма.

Толпа выкрикивала, подбадривая тех, на кого ставила. Особенно орали успевшие продуть Гильермо налландцы.

Наконец Мбанди улыбнулась Черная Ма, и после очеред-

ного усилия, которое сопровождалось горловым рыком, ему удалось чуть пригнуть руку Морено к столу. Команда “Дьябло” разразилась радостными и совсем похабными воплями, а дон Гильермо крикнул нести всем пива.

Однако этим успехи чернокожего гиганта и ограничились. Он рычал, скалился, на его выбритой башке выступили крупные капли пота, которые собирались в глубоких складках на лбу и стекали вниз, застилая зрение. Черный Пес с виду легко выдерживал давление, но не делал ни единой попытки переломить ход поединка в свою пользу, словно на большее ему сил не хватало.

Дороти, забывшись и забыв о своей роли пленницы, смотрела на это дикарство и варварство и понимала – ей нравится. Нравится, что Морено сильнее и прочнее, чем казался изначально, нравится, что тот вцепляется зубами и пытается выгрызть победу там, где ее быть не может. Это... заводило, черт побери. Она болела за Морено, желала ему победы.

“А еще он дерется за тебя, детка, за то, чтобы ты могла потом встать на мостик своего корабля. А не околачиваться по черным портам в драном мундире, рассказывая рыжим потаскухам, как была капитаном Его Величества”, – шепнул внутренний голос, почему-то с интонациями Дорана – тот также придыхал на гласных и глотал окончания.

– Сильнее, – шепнула Дороти Морено, точно тот мог ее услышать. – Дьявол тебя побери, дави сильнее!

А потом произошло несколько событий одновременно,

слившихся для Дороти в единое, остро приправленное похотью, безумие.

Мбанди заорал от натуги и начал привставать, разом усиливая хватку и добавляя к давлению еще и свой вес. Морено, точно ждал этой секунды, напрягся весь, сжал челюсти так, что заходили желваки, и, вложив в короткое движение, кажется, весь запас сил, чуть сдвинул кисть противника на себя, меняя направление, преломляя, и одним коротким рывком положил руку Мбанди на свою половину стола.

А потом он словно ощутил, что Дороти на него смотрит, обернулся и глянул в ответ – тяжело и жарко. Будто мысли прочел.

Дороти почувствовала, как внизу живота разливается предательский огонь, который теперь одной волей было не остановить. Время вокруг замедлилось, сделало минуту вязкой, словно заполненной смолой.

Вот Мбанди возмущенно орет и потрясает кулаками... Вот трактирщик хватается за книгу ставок... Вот матросы с “Санта-Розы” хлопают друг друга по плечам, радуясь взятому кушу... Вот дон Гильермо брезгливо выплескивает пиво из кружки прямо на пол и, не оборачиваясь, выходит за дверь...

Но все это происходит где-то снаружи водоворота, на который похож этот взгляд – он тянет в себя, в темную глубину, не обещая ни ласки, ни нежности, ни любви, только черную страсть. Гибель. Тропа тьмы.

Закончилось все резко – между Дороти и Морено кто-то встал, прерывая это неправильное, дьявольское. Потом раздался крик про ошибку в ставках и мухлеж, и Дороти отпустило совсем. Остались только сильное чувство голода, питоном свернувшееся в солнечном сплетении, ядовитая кобра презрения к самой себе и тающее внизу живота наслаждение.

У стола то и дело возникали людские потоки – кто-то подходил, поздравлял, шутил, сыпал новостями – их признали за своих, и теперь узнать самые последние и точные сведения про “Каракатицу” не составило труда.

Но похоже, что самые первые вести оказались правдивы. Никто из тех, кто шел от континента, корабля не видел, а ведь они должны были его встретить – во время коротких стоянок или прямо в пути. Даже если предположить, что море велико и они разминулись в ночном тумане, на сами стоянки “Каракатица” должна была заходить – перед тем, как миновать самый длинный недельный переход до континента. Однако двое моряков с рыбацкой шхуны, которые возвращались в порт Вейн, отработав в доках, клялись – “Каракатицы” и близко не видели на стоянках.

А вот те, кто ходил мимо Большого Краба, в один голос пели, что заметили похожую шхуну именно там, и шла она вдалеке от основного торгового пути, в порт Вейн не заходила, а чесала в обход рифов по направлению к Темным островам.

– Так на Темные ж сподручнее вдоль побережья, а потом уже напрямиком в течение, – Фиши, как бывалый рулевой, усомнился в правдивости рассказа.

– Так и мы так подумали. – С ним не стали спорить, напротив, плеснули в его кружку пива. – Но сам посуди, куда им идти тем курсом? Да некуда, только в пасть к морскому дьяволу. Либо они вышли в течение после того, как обошли рифы, либо отправились напрямиком в Море Мертвецов, и тогда “Каракатицу” вы увидите только когда помрете.

– А еще бригантина за ними шла, через шесть часов, – припомнил кто-то. – Я еще подумал – на черта они тащатся на хвосте и таким странным курсом, но малышка была под обычным флагом...

– А что за бригантина?

– Да шут ее пойми. Мутная. Для торговца слишком неглубоко сидела – будто трюмы пустые, для рейдера маловата...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.